OPB

DOMIK V KOLOMNE
ISTORIIA SOZDANIIA I TEKSTA "DOMIKA V KOLOMNE:

M. L. Gofman

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1963

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1960

Pushkin, A. Domik v Kolomne. M.L. Gofman
sozdaniia i teksta "Domika v Kolomnie."
Pushkinskogo doma. St. Petersburg, 1922.

Istoriia
Truda

ПУШКИНЪ

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ

М. Л. ГОФМАНЪ

ИСТОРІЯ СОЗДАНІЯ И ТЕКСТА „ДОМИКА ВЪ КОЛОМНѢ"

„АТЕНЕЙ"
1922

ATHENAEUM

Настоящее изданіе отпечатано
въ количествѣ 2000 экземпляровъ.
Обложка работы художника
А. Н. Лео.

ПУШКИНЪ

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ

М. Л. ГОФМАНЪ.

История создания и текста
„Домика въ Коломнѣ“.

Труды Пушкинскаго Дома

ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство „АТЕНЕЙ“
1922

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Іюнь 1922
Непремѣнный Секретарь, академикъ С. Ольденбургъ.

Россійская Государственная Академическая Типографія.

Печатаемый нами текстъ „Домика въ Коломнѣ“ точно воспроизводитъ изданіе 1835 года — каноническое чтеніе, установленное Пушкинымъ, и весьма отличается отъ искаженнаго текста, принятаго полными собраніями сочиненій Пушкина. Искаженіе „Домика въ Коломнѣ“ столь значительно, что необходимо подробнѣе остановиться на немъ и обнаружить грубыя ошибки слѣпого редакторскаго произвола и небрежнаго, невнимательнаго „изученія“ и чтенія рукописи „Домика въ Коломнѣ“.

Возстановить исторію созданія и печатанія повѣсти Пушкина — значитъ распутать одинъ изъ интереснѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ текста и исторіи творчества Пушкина, — исторіи его художественной воли, если позволено будетъ такъ выразиться.

Черновиковъ „Домика въ Коломнѣ“ не сохранилось въ рукописяхъ Пушкина. Имѣется только одна бѣловая рукопись 1830 года (въ 2376 тетради Румян-

цовскаго Музея), слегка использованная, но совершенно не изученная изслѣдователями. Такимъ образомъ изслѣдованіе этой чистовой рукописи является единственнымъ источникомъ, матеріаломъ для возсозданія творческой исторіи шутливой, мастерской поэмы Пушкина. Исторія созданія и исторія текста „Домика въ Коломнѣ“ даются нами въ приложеніи къ каноническому тексту; заключающіеся въ нихъ подробности и выводы весьма поучительны и представляютъ, какъ намъ кажется, интересъ не для однихъ спеціалистовъ-пушкиновѣдовъ, но и для всѣхъ, кому дорого творчество Пушкина.

М. Л. Гофманъ.

Домикъ въ Коломнѣ

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу....
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ*** богомольной,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую стать, —
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтеся, вытягивайте ноги
И по три врядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги;
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цыфрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!

Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ.... съ кѣмъ же равенъ онъ?
Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

VI.

Не много отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или *пустить на пе?....*
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе, стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канапе,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ.

VII.

Что за бѣда? не все жъ гулять пѣшкомъ
По Невскому граниту, иль на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Изсохъ. Поросъ крапивою Парнассъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ Музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

IX.

Усядься, Муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ. — Жила была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтёлку, три окна, крыльцо и дверь.

X.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ.
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построенъ трехъ-этажный домъ

Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XI.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ;
То моему бъ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердце усыпляетъ или давитъ
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ.... Я воды Леты пью,
Мнѣ Докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это,—сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Рембрандта такія лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови — темныя какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XIV.

Играть умѣла также на гитарѣ
И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ*,
И *Выду ль я* —, и то — что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныла Русская дѣвица,
Какъ Музы нашей грустная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально: всей семьёй,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!

Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ.
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плесть;
Всѣмъ домомъ правила одна Параша,
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша,
(Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Өекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XVII.

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто бы ни проѣхалъ иль нешёлъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до - ночи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно.
(Безъ этого ни одного романа
Не обойдется; такъ заведено!)
Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
А дочка — на луну еще смотрѣла.

XIX.

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно. Рѣдко изъ домовъ
Мелькнуть двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У клироса налѣво. Я живу

Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня.... (звали какъ, не помню право)
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)
Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно;
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ.... Въ нихъ-то я вникалъ,
Невольный взоръ они-то привлекали....
Но это знать Графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXIV.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фиміамъ, — она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣею кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы —

Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
Все жъ ѣздили Гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душею холодна? увидимъ ниже.
Покамѣстъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не долѣ —
Жить можно безъ кухарки; что не льзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: „Параша!“ — „Я!“
— „Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ-ли. Дешевыя такъ рѣдки“. —

XXIX.

„Узнаю, маменька“. И вышла вонъ,
Закутавшись. (Зима стояла грозно,
И снѣгъ скрыпѣлъ, и синій небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: — „Вотъ я кухарку привела.“

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,

Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирая.
— „А что возьмешь? спросила, обратясь,
Старуха. — „Все, что будетъ вамъ угодно,“
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
— „А какъ зовутъ“? — „А Маврой“ — Ну, Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Ѳеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смѣй“. —

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переваритъ,
То пережаритъ, то съ посудой полку
Уронитъ; вѣчно все пересолитъ,
Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ — она себѣ молчитъ;
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ.
Параша бьется, а никакъ не сладитъ.

XXXIII.

По утру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашелъ испугъ.

XXXIV.

Она подумала: „въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!“
Такъ думая, старушка обмирала
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XXXV.

— „Стой тутъ, Параша. Я схожу домой
Мнѣ что-то страшно“. Дочь не разумѣла
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла:

Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла, —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что жъ? о Боже! страхъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцомъ Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
„Ахъ, ахъ!" и шлепнулась. Ее увидя,
Та, въ торопяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
— „Что, маменька? — „Ахъ, Пашенька моя!
Маврушка..." — „Что, что съ ней?" — „Кухарка наша...
Опомниться досель не въ силахъ я....
За зеркальцомъ.... вся въ мылѣ...." — „Воля ваша,
Мнѣ право ничего понять нельзя;
Да гдѣ жъ Мавруша?" — „Ахъ, она разбойникъ!
Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!" —

XXXVIII.

Параша закраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было, — простылъ и слѣдъ;
Ушла, не взявъ въ уплату не полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

XXXIX.

— „Какъ развѣ все тутъ? шутите! — „Ей Богу“.
— „Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвальбою шли?
Завидную жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ ли хоть у васъ нравоученья?“
„Нѣтъ.... или есть: минуточку терпѣнья....

XL.

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно:

Когда нибудь придется же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего.

Исторія созданія и исторія текста „Домика въ Коломнѣ“.

„Домикъ въ Коломнѣ" былъ написанъ въ одну недѣлю — между 1 и 9 октября 1830 года, послѣ попытки Пушкина выбраться изъ Болдина и прорваться въ Москву черезъ карантины. Первыя октавы были закончены 5 октября, а вся шутливая поэма-повѣсть 9 октября [1].

Пушкину и прежде удавалось въ такой короткій срокъ создавать крупныя произведенія: въ этомъ срокѣ не было бы ничего поразительнаго и исключительнаго, если бы рѣчь шла о черновомъ видѣ — наброскѣ, но въ данномъ случаѣ въ одну недѣлю была

1 Пушкинъ датировалъ „Домикъ въ Коломнѣ" 1829 годомъ, но не надо даже обращаться къ рукописи, чтобы опровергнуть эту датировку: въ новой шутливой поэмѣ нашли себѣ отраженіе событія литературной жизни 1830 года (такъ въ 1829 году еще и не существовало „Литературной Газеты"). Датировку Пушкина 1829 годомъ надо не опровергать, а объяснять, и она находитъ себѣ простое объясненіе: какъ Поэтъ предполагалъ напечатать „Домикъ въ Коломнѣ" Anonyme, такъ точно онъ хотѣлъ скрыть условія (временныя, случайныя) написанія поэмы.

написана вся поэма набѣло, — при томъ поэма, въ которой Пушкинъ ставилъ себѣ цѣлью достиженіе поэтическаго мастерства, и въ ходѣ развитія которой, и даже композиціонномъ планѣ, онъ не разъ колебался въ теченіе этой творческой октябрьской недѣли.

Въ болдинское сидѣніе 1830 года Пушкинъ, въ которомъ къ этому времени опредѣлено выразился и сознательно проявился интересъ къ поэтической формѣ, какъ къ формѣ, былъ поглощенъ работою для „Литературной Газеты" барона Дельвига и въ связи съ этой работой вращался въ кругѣ вопросовъ, особенно остро и горячо обсуждавшихся современной журналистикой. Дать достойную отповѣдь врагамъ „Литературной Газеты" и Пушкинскаго кружка и высказать свое поэтическое credo можно и должно было въ формѣ критической статьи. Пушкинъ и писалъ въ Болдинѣ для „Литературной Газеты" критическія статьи, но одной теоретической защиты своихъ взглядовъ Поэту казалось недостаточно, — гораздо дѣйственнее должна была оказаться поэтическая практика, художественное воплощеніе и выраженіе своего поэтическаго „Вѣрую", своего пониманія поэзіи и ея задачъ. Современная журналистика и работа для „Литературной Газеты" опредѣлили воинственный, полемическій характеръ „Домика въ

Коломнѣ". Подъ этими углами зрѣнія — интересса къ поэтической формѣ, поэтическому мастерству, и полемики съ врагами „Литературной Газеты" и Пушкинскаго поэтическаго кружка — и надлежитъ разсматривать созданіе „Домика въ Коломнѣ" — шутливой, критическо-сатирической и полемической поэмы-пародіи, въ которой *повѣсть* „Домикъ въ Коломнѣ" была случайнымъ и привходящимъ тематическимъ рисункомъ. Первоначально Поэтъ даже совсѣмъ предполагалъ отказаться отъ всякой фабулы-анекдота, но когда послѣдній былъ творчески найденъ, Пушкинъ сталъ дорожить этимъ анекдотомъ, потому что онъ оказался поэтически говорящей и поэтически значительной иллюстраціей того тезиса, который ему надобно было защитить.

Въ силу случайныхъ причинъ повѣсть „Домика въ Коломнѣ" стала доминировать и вытѣснять полемическія вольныя и пестрыя строфы: Пушкинъ закончилъ „Домикъ въ Коломнѣ" 9 октября, черезъ 3—4 недѣли „Литературная Газета" была сперва пріостановлена, а затѣмъ передана О. М. Сомову; 14 января 1831 года умеръ Дельвигъ, и Пушкинъ пересталъ живо интересоваться новой „Литературной Газетой". „Домикъ въ Коломнѣ" увидѣлъ свѣтъ только въ 1833 году (въ „Новосельѣ"), — къ этому времени полемическая часть во многомъ устарѣла, и

въ цѣляхъ устраненія всего временнаго, случайнаго, Пушкинъ долженъ былъ пожертвовать многими октавами и сократить „Домикъ въ Коломнѣ". Поэма-повѣсть не перестала отъ этого быть выраженіемъ поэтическаго credo Пушкина и быть можетъ выйграла въ своей поэтической цѣлостности и сосредоточенности, какъ и ея полемическій тонъ сталъ несомнѣнно менѣе замѣтнымъ.

Возсоздавая однако условія, въ которыхъ писался „Домикъ въ Коломнѣ", необходимо имѣть въ виду полемику „Литературной Газеты" съ „Московскимъ Телеграфомъ" и „Сѣверной Пчелой" — полемику, изъ которой вышла новая шутливая, но мастерская поэма мастера поэта, которая дала толчекъ поэту для того, чтобы высказать свое profession de foi и намѣтить новые пути поэзіи.

Обратимся къ первоначальному замыслу поэмы, обусловленному интересомъ Пушкина къ формѣ поэтическихъ произведеній: по этому замыслу, явившемуся зерномъ „Домика въ Коломнѣ", въ новомъ произведеніи (*не поэмѣ* и *не повѣсти*) должна была найти себѣ выраженіе поэтика Пушкина, его взгляды на поэзію и на форму. Въ 1830 году Пушкинъ обращался къ новымъ для него формамъ, и въ этотъ годъ (и особенно въ Болдинскую осень) далъ образцы „маленькихъ трагедій" — драматическихъ сценъ, ма-

ленькихъ стилизованныхъ повѣстей, стилизованной пародіи - лѣтописи и классическія формы итальянской поэзіи — сонета и терцины. Къ этимъ двумъ формамъ Пушкинъ прибавляетъ итальянскую октаву, къ которой впервые и обратился въ „Домикѣ въ Коломнѣ“: [1]

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ,
Имъ пишетъ всякой. Мальчикамъ въ забаву
Давно его оставить я хотѣлъ
Да въ добрый часъ приняться за октаву [2]
Мнѣ кажется что я бы совладѣлъ
Съ тройною рифмой. Эй, пущусь на славу:
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ
Двѣ сами придутъ третью приведутъ.

Подобно тому, какъ въ сонетѣ „Суровый Дантъ не презиралъ сонета“ Пушкинъ характеризуетъ сонетъ и даетъ его исторію, въ октавахъ Поэтъ также

---

1 Обычно октавы „Осень“ датируются 1830 годомъ, въ дѣйствительности же „Осень“ написана (по крайней мѣрѣ отдѣлана) въ 1833 году.

2 Возможно (только возможно), что „Осень“ была вчернѣ набросана въ 1828 году, и въ такомъ случаѣ слова Пушкина о томъ, что онъ „давно“ (или даже „Давнымъ давно“) хотѣлъ оставить четырехстопный ямбъ для октавы, могутъ найти себѣ реальный комментарій.

даетъ исторію октавы: говоря современнымъ языкомъ, въ это время въ Пушкинѣ проявляется особенный интересъ къ историко-сравнительной поэтикѣ, интересъ, идущій рука объ руку съ возникающими вопросами теоріи поэзіи. Поэтъ однако не остается въ предѣлахъ поэтики октавы и, круто, но съ мастерской легкостью поворачивая стихъ, переходитъ къ характеристикѣ и исторіи александрійскаго стиха: *вступленіе* переходитъ въ *отступленіе*.

Образцовъ для такихъ лирическихъ и поэтическихъ отступленій Пушкину не надо было искать: въ крутомъ поворачиваніи стиха, въ пестромъ, но стройномъ соединеніи пестрыхъ строфъ - стихотвореній Пушкинъ уже былъ искушенъ.

Болдинскою осенью Пушкинъ оканчивалъ двѣ послѣднія главы „собранья пестрыхъ главъ" — лирическаго свободнаго романа „Евгеній Онѣгинъ" (съ которымъ надо во многихъ отношеніяхъ сопоставлять новую поэму) и къ „Домику въ Коломнѣ" приступалъ мастеромъ свободной формы:

Порой я стихъ повертываю круто
Все-жъ видно: не впервой я имъ верчу
А какъ давно? того и не скажу-то.

Несомнѣнно, однако, что, приступая къ „Домику въ Коломнѣ" (какъ условно называемъ произведеніе,

которое б. м. потомъ, въ процессѣ творческой работы, стало „Домикомъ въ Коломнѣ“), Пушкинъ снова вспомнилъ своего стараго любимца-вдохновителя „Беппо“ — „шуточное произведеніе мрачнаго Бейрона“ и одно время готовъ былъ привести въ исполненіе намѣреніе Байрона, выраженное въ слѣдующей пестрой строфѣ:

„Но возвращаюсь, снова возвращаюсь. Чортъ возьми, нить этого разсказа постоянно выскальзываетъ изъ моихъ рукъ; онъ довольно медленно подвигается впередъ, потому что я долженъ сообразоваться съ требованіями строфы: я началъ въ этой стихотворной формѣ, не могу ее теперь произвольно измѣнить и долженъ сохранить тактъ и напѣвъ, какъ общественные пѣвцы. Но если я, наконецъ, не справлюсь съ настоящимъ размѣромъ, то изберу себѣ другой, какъ только будетъ досугъ“.

Отъ мысли реально перейти къ другому размѣру Пушкинъ отказался, но какъ бы то ни было пошелъ дальше „Беппо“...

Кромѣ Байрона и его Беппо, передъ Пушкинымъ были и другіе образцы, которые и необходимо поставить въ связь съ созданіемъ „Домика въ Коломнѣ“ — и среди нихъ прежде всего поэмы въ октавахъ Бари Корнуоля. Этотъ вопросъ очень удачно поставленъ и разрѣшенъ Н. В. Яковлевымъ въ его статьѣ „Послѣд-

ній литературный собесѣдникъ Пушкина", изъ которой и позволимъ себѣ привести значительную выдержку:

„... и „Діего де Монтилла", и „Гигесъ" (поэмы Б. Корнуоля) открываются, такъ же, какъ „Домикъ въ Коломнѣ", болѣе или менѣе пространными разсужденіями о поэзіи и стихотворныхъ размѣрахъ вообще и объ октавахъ (ottava rima) въ частности.

ДІЕГО ДЕ МОНТИЛЛА.

I.

Ottava rima, попросту октава,
Размѣръ прелестный, созданъ, чтобъ писать
Все съ эпиграммами, и легкая забава
Какъ будто — стихъ въ октавахъ набросать,
А между тѣмъ, куда труднѣе, право,
Чѣмъ стансы въ духѣ Спенсера создать
Иль героическій куплетъ: въ октавахъ стихъ
Шлифовки требуетъ, отдѣлокъ мастерскихъ.

II.

Октава, та должна скользящею струею
Стремиться, какъ потокъ межъ камешками дна,
Съ журчаньемъ сладостнымъ (здѣсь вдался я, не скрою,
Сравненіемъ въ Шекспира), — и должна

Свободно течь, не долженъ надъ строкою
Корпѣть поэтъ, смыслъ подгонять; вольна
Должна строка быть отъ былыхъ канонов,
И пусть слова текутъ, свободны отъ законовъ.

(Переводъ *Г. А. Елачича*).

ГИГЕСЪ.

I.

Я часто думалъ, что я былъ-бы радъ
Въ часы досуга руку упражнять
Октавами (ottava rima — кладъ
Поэту, что умѣетъ совладать
Съ тройнымъ созвучьемъ) — такъ легко въ ихъ рядъ
Веселье, брань, любовь, намекъ вмѣщать;
А здѣсь, гдѣ дѣло въ женщинѣ красивой,
Здѣсь строчки сами побѣгутъ игриво.

(Переводъ *Г. А. Елачича*).

Далѣе въ „Діего де Монтилла" мы находимъ, какъ сожалѣнія о классическомъ прошломъ — „увы! прошли ваши, боги и нимфы, славные дни", такъ и насмѣшки надъ нимъ...

Какъ и у Пушкина, у Корнуоля разсказъ ведется вездѣ крайне непринужденно. Сперва авторъ никакъ не можетъ обратиться къ темѣ, хотя „читатель и

Діего оба ждутъ“ его („while th'reader and Diego, both, are waiting“). А разъ приступивъ, немедленно отвлекается въ сторону, порою очень надолго... При этомъ Корнуоль дважды тщетно пытается вернуться къ разсказу и только на третій разъ это ему удается: „But to resume“ (XXXVII), „so to resume“ (XXXVIII), „So I'll retarn to Foh“ (XL).

Въ „Діего де Монтилла“, какъ и въ „Домикѣ въ Коломнѣ“, имѣется вдова, только не съ одной, а съ двумя дочерьми. Но примѣчательно, можетъ быть, что и здѣсь мы находимъ то же противоположеніе красоты гордой и простой, какое Пушкинъ далъ въ своей повѣсти. Сравнимъ: Графиня

Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)
...Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

У Бари Корнуоля двѣ сестры, Аврелія и Аврора. У старшей — „гордый и царственный взглядъ“ (proud and regal look) младшая же — скромна и блѣдна (meek and pale), бѣдняжка (poor girl) и „въ присутствіи сестры почти незамѣтна“ (scarcely noticed when Aurelia near).

У обоихъ поэтовъ мораль скрыта, дается in a way, въ самомъ разсказѣ. Но такъ же, какъ и

Пушкинъ, Бари Корнуоль не прочь въ заключеніе прибавить и явную („Гигесъ")... („Пушкинъ и его современники*, вып. XXVIII).

И такъ, первоначально Пушкинъ думалъ б. м. не о поэмѣ или повѣсти, а о самостоятельной части произведенія (назовемъ ее вступленіемъ или отступленіемъ), имѣющей самостоятельное значеніе и самостоятельный интересъ. Это самостоятельное, цѣльное произведеніе было закончено къ 5 октября и имѣло въ рукописи такой видъ (приводимъ октавы въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были написаны, и со всѣми исправленіями — въ силу того, что исправленія или совпадаютъ или почти совпадаютъ со временемъ написанія, почти современны написанію — см. ниже):

modo vir, modo femina

Ov.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ,
Имъ пишетъ всякой. Мальчикамъ въ забаву
  Пора-бъ
[Давно] его оставить *. я хотѣлъ

---

1 Точка поставлена при исправленіи (было: Давно его оставить я хотѣлъ, стало: Пора-бъ его оставить. Я хотѣлъ etc).

* Зачеркнуто и возстановлено.

Давнымъ давно [часъ]
[Да въ добрый] приняться за октаву
А въ самомъ дѣлѣ:
[Мнѣ кажется что] я бы совладѣлъ
нымъ созвучіемъ;
Съ трой[ною рифмой. Эй], пущусь на славу:
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ
2 1
Двѣ сами придутъ третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
имъ
Глаголы тотчасъ [же] я разрѣшу
(Вы знаете, что рифмой наглогольной
Гнушаемся мы: отчего, спрошу?
Такъ писывалъ***[1] малосольной;
Такъ пишетъ**[2]
[По большей части], такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? Ужъ и такъ мы голы.)
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

---

1 Быть можетъ, Пушкинъ разумѣлъ подъ*** Шихматова, быть можетъ другого поэта, а можетъ быть не имѣлъ въ виду никакого опредѣленнаго лица.

2 Быть можетъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду подъ** — Дельвига, а можетъ быть... (см. выше).

III.

Не стану ихъ надменно браковать   дождавшихся

[щастливыхъ отъ] [добившихся]

Какъ рекрутовъ [за ростъ иль за] увѣчья

[да] [Какъ] лошадей   шерсть ихъ или

Иль [Или коней] за [ихъ] [плохую] стать,

А подбирать принимать* [вербовать] [союз]

[частицы] союзы

[А] [набирать] [причастья] да нарѣчья.

[всякой]   вербую

Изъ мѣлкой* сволочи [сбираю] рать

Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовы сберечь [1] я,

[буква] слогъ — и

Хоть весь словарь; что [рифма], то солдатъ

У насъ вѣдь

Всѣ годны въ строй. [Октава [2]] не парадъ.

IV.

Октавы трудны

[Нѣтъ], [мудрено — — (я] взявъ уловку лисью

я могъ   что

Сказать [бы могъ: нѣтъ], киселъ виноградъ.) [3]

---

1 Буква "с„ б. м. приставлена при исправленіи (первоначально было: беречь).

2 Исправлено изъ „Октавы".

3 Скобки Пушкина.

Мнѣ видно съ ними
[Съ октавами я] надъ Парнасской высью
вѣкъ небывать — —
[Не буду вѣкъ]. Не лучше-ли назадъ
Скорѣй вести свою дружину рысью? — —
кой какъ
ами [онѣ] [- какъ]
Ужъ рифм[ы] [ихъ] [едва] [едва] бренчатъ
Кой какъ ужъ до конца октаву эту
Я дотянулъ. Стыдъ рускому поэту!

V.

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой.
. . . о съ нимъ
Съ Гекзаметромъ [никакъ] я не шучу..:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?....
Ужъ не его-ль себѣ я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкой
И съ жаломъ даже — точная змія;
Мнѣ кажется что
[Не въ модѣ онъ], [но] съ нимъ управлюсь я. [1]

—

1 Это сперва эпизодическое отступленіе въ область александрійскаго стиха, какъ увидимъ ниже, получаетъ свое дальнѣйшее развитіе (поэтому Пушкинъ и перестаетъ временно нумеровать строфы).

Поэты Юга, вымысловъ отцы
Какихъ чудесъ съ октавой не творили!
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы
На мѣлочахъ мы рифмы заморили
Могучіе намъ чужды образцы
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили
И нашихъ дней изнѣженный Поэтъ
Чуть смыслитъ [лишь] свой
[Едва привыкъ] уравнивать куплетъ —

—

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
попробуемъ [1] [пока]
Благословясь, [начнемъ] [теперь]: слушай!
Равняйтеся, вытягивайте ноги
И по три врядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь
[Съ начала] мы небудемъ слишкомъ строги
держись [стой]
[Всякъ] будь * вольнѣй и только не плошай
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу.
выѣдемъ
И [пустимся в] на ровную дорогу.

—

* Зачеркнуто и возстановлено.
1 Въ рукописи описка: побруемъ.

Онъ вынянченъ былъ мамкою недурой —

смотрѣлъ

[чинилъ] За нимъ [ходилъ] степенный

([Его] вскормилъ* [суровый] Буало) [1]

[Перетянулъ его]

[Онъ стянутъ былъ почетною] [Перетянулъ

его ту] [тугой]

[И одарилъ] [прекрасною] [цезурой].

Цезурой

Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ

Но пудреной піитикѣ на зло

свободною

Разтрепленъ онъ [новѣйшею] Цензорой —

Ученіе не въ прокъ ему по

[Стиху Расина время, знать, про]шло —

[его] съ товарищи

[Victor] Hugo, [St. Beuv] друзья Натуры

Его гулять пустили безъ цезуры

—

О чтобъ сказалъ Поэтъ Законодатель

Гроза нещастныхъ, мѣлкихъ рифмачей

И ты, Расинъ, безсмертный подражатель

Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и Царей

И ты Вольтеръ, философъ и ругатель

И ты Делиль Парнасскій Муравей

[Поэтъ, Астрономъ, Умственный] [Протей]

---

1 Скобки Пушкина.

Чтобъ вы сказали сей соблазнъ увидя
[Hugo]
[Парижъ]
Нашъ вѣкъ Обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя.

—

рѣзвая [во образѣ
Какъ Мазорье* [1] (покойница* Жако)
Александрійской стихъ по всѣмъ составамъ
[Теперь*] [2] гнется прыгаетъ [онъ далеко]
легко
[вихнутъ]
Развинченъ, [выломанъ] — И [высоко*] [2]
[Между] какъ бѣлка
[среди] [кулисъ] [крашенымъ]
[Туда сюда] [Онъ прыгаетъ] по [Опернымъ] въ [3]
дубравамъ —
[Какъ вздумаетъ] [Ломается] проворно и] легко
[сгибается]
ломается, Надиво [всѣмъ Парнасскимъ] Косто-
правамъ —
[Какой шалунъ, и] [что за]
[Живой шалунъ], [проворный] [разгильдяй]
[Такой] [прово] [ужасный] [ей богу]
[Онъ сталъ] [совсѣмъ] [другой] — негодяй

---

1 Первоначально было: „Мазюрье“

2 Зачеркнуто, возстановлено и снова зачеркнуто.

3 „въ“ приписано (первоначальное чтеніе стиха: Онъ прыгаетъ по Опернымъ дубравамъ).

Они [1] [кри] ворчатъ: уймется-ль
экой
Какой повѣса! [что за] разгильдяй!... [2]

На поляхъ записано исправленіе 5—6 стиховъ:

Отъ школы прежней онъ ужъ далеко
совсѣмъ
Онъ предался [свои] другимъ уставамъ.

—

У насъ его недавно стали знать
(Кто первый — можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать —) [3]
Онъ годенъ, говорятъ для эпиграфа
Да можно имъ, порою, украшать
или
Гробницы [бокъ иль] мраморъ Конотафа
До[моды] нашихъ модъ, благодаря судьбѣ
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ.

5 окт.

—

Послѣ этой октавы Пушкинъ поставилъ концовку и этимъ естественно закончилъ все произведеніе, какъ самостоятельное цѣлое — вступленіе: „пестрыя стро-

1 Разобрано предположительно.

2 Пушкинъ тогда же переставилъ порядокъ этой и предыдущей октавъ, отмѣтивъ его на поляхъ цифрами „2" и „1".

3 Скобки Пушкина.

фы", „путь широкій, вольный" — привели къ тому, что Пушкинъ долженъ былъ дальше выбрать одно изъ трехъ: или 1) перейти въ дальнѣйшемъ повѣствованіи къ александрійскому стиху и писать шестистопнымъ ямбомъ („беру его себѣ"), или 2) на этомъ закончить вступленіе къ ненаписанной поэмѣ и выдѣлить его въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго, или 3) переработать вступленіе такъ, чтобы былъ устраненъ переходъ къ шестистопному ямбу - александрійскому стиху, и тогда продолжать поэму - повѣсть пятистопными октавами. Отъ перваго выхода, отъ смѣшенія въ одномъ произведеніи пятистопныхъ стиховъ съ шестистопными, поэтъ сейчасъ же отказался и не дѣлалъ попытки перейти къ александрійскому стиху — и началъ выдѣлять вступленіе въ качествѣ самостоятельнаго цѣлаго. Съ этой цѣлью Пушкинъ обратился къ отдѣлкѣ, дополненію и нумераціи написанныхъ октавъ. Въ качествѣ четвертой октавы (и съ этимъ номеромъ) на поляхъ перваго листа была написана октава:

красавцы У насъ война. [Гвардейцы затяжные],
[удалые]! Вы, хрипуны (но хрипъ вашъ при-
молодые умолкъ)

Сломалиль вы походы боевые?
Персіи
Видалиль въ [Турціи] Ширванской
полкъ?

Ужъ люди! мѣлочь, старички кривые
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ
стадѣ волкъ.
Всѣ [1] съ ревомъ такъ и
лѣзуть [2] [рвется] въ бой кровавой [3]
Ш-- полкъ могу сравнить съ октавой.

Октавы „Поэты Юга, вымысловъ отцы" и „Ну, женскіе и мужескіе слоги" получили нумерацію 5) и 6), а IV октава [(Нѣтъ мудрено я] октавы трудны взявъ уловку лисью) — VII. Вслѣдствіе того, что 5 и 6 октавы были написаны какъ бы внѣ общаго порядка, вставка ихъ нарушила правильное чередованіе строфъ (и 6 и 7 октавы — сосѣднія — стали начинаться съ женской рифмой).

Октавы „Но возвратиться все жъ я не хочу", „Онъ вынянченъ былъ мамкою недурой", „Какъ Мазорье (покойница Жако)", „О чтобъ сказалъ Поэтъ Законодатель" и „У насъ его недавно стали знать" — послѣдовательно получили цифры VIII, IX, X, XI и XII. Послѣ этого Пушкинъ и записалъ на поляхъ (на послѣднемъ листѣ вступленія): *сіи октавы служили*

1 Исправлено изъ „Всякъ".

2 Исправлено изъ „лѣзетъ".

3 Первоначально этотъ стихъ читался: Всякъ съ ревомъ такъ и рвется въ бой кровавой.

вступленіемъ къ шуточной поэмѣ уже уничтоженной (такимъ же образомъ былъ выдѣленъ отрывокъ — вступленіе изъ неоконченной и брошенной повѣсти „Египетскія Ночи“ [1]) — и этими словами выдѣлилъ вступленіе къ поэмѣ, отъ которой онъ (временно — очень не надолго) отказался, въ самостоятельный отрывокъ — вступленіе, получившій слѣдующій видъ:

modo vir, modo femina.

Ov.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ,
Имъ пишетъ всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора-бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ; пущусь на славу:
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ
Двѣ придутъ сами третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу

1 „Сей отрывокъ составлялъ вѣроятно предисловіе къ повѣсти не написанной или потерянной — Мы нехотѣли его уничтожить — — 26 окт.“.

(Вы знаете, что рифмой наглогольной
Гнушаемся мы: отчего, спрошу?
Такъ писывалъ*** малосольной;
Такъ пишетъ**, такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? Ужъ и такъ мы голы.)
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать
Какъ рекрутовъ дождавшихся увѣчья
Иль лошадей за шерсть ихъ или стать,
А подбирать союзы да нарѣчья.
Изъ мѣлкой сволочи вербую рать —
Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь словарь; что слогъ — то и солдатъ.
Всѣ годны въ строй. У насъ вѣдь не парадъ.

IV.

У насъ война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны (но хрипъ вашъ приумолкъ)
Сломалиль вы походы боевые?
Видалиль въ Персіи Ширванской полкъ?
Ужъ люди! мѣлочь, старички кривые
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ.
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой
Ш— полкъ могу сравнить съ октавой.

V.

Поэты Юга, вымысловъ отцы
Какихъ чудесъ съ октавой не творили!
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы
На мѣлочахъ мы рифмы заморили
Могучіе намъ чужды образцы
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили
И нашихъ дней изнѣженный Поэтъ
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ —

VI.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Равняйтеся, вытягивайте ноги
И по три врядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь — мы небудемъ слишкомъ строги
Держись вольнѣй и только не плошай
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу.
И выѣдемъ на ровную дорогу.

VII.

Октавы трудны (взявъ уловку лисью
Сказать я могъ что киселъ виноградъ.)
Мнѣ видно съ ними надъ Парнасской высью
Вѣкъ небывать. – Не лучше—ли назадъ
Скорѣй вести свою дружину рысью? — —

*

Ужъ рифмами [онѣ] кой какъ бренчатъ --
Кой какъ ужъ до конца октаву эту
Я дотянулъ. Стыдь русскому поэту![1]

VIII.

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой.
Съ Гекзаметромъ... о съ нимъ я не шучу..:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?...
Ужъ не его-ль себѣ я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкой
И съ жаломъ даже — точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

IX.

Онъ вынянченъ былъ мамкою недурой --
(За нимъ смотрѣлъ степенный Буало)
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой
Но пудреной піитикѣ на зло
Разтрепленъ онъ свободною Цензорой —
Ученіе не въ прокъ ему пошло —
Hugo, съ товарищи друзья Натуры
Его гулять пустили безъ цезуры.

---

1 Быть можетъ, эта строфа тотчасъ же была зачеркнута, какъ нарушающая порядокъ чередованія строфъ.

X.

Какъ Мазорье (покойница Жако)
Александрійской стихъ по всѣмъ составамъ
Развинченъ, гнется прыгаетъ легко
И [высоко] какъ бѣлка по дубравамъ
Отъ школы прежней онъ ужъ далеко
Онъ предался совсѣмъ другимъ уставамъ
Они ворчатъ: уймется-ль негодяй
Какой повѣса! экой разгильдяй! . . . .

XI.

О чтобъ сказалъ Поэтъ Законодатель
Гроза нещастныхъ, мѣлкихъ рифмачей
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и Царей
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель
И ты Делиль Парнасскій Муравей
Чтобъ вы сказали сей соблазнъ увидя
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя.

XII.

У насъ его недавно стали знать
(Кто первый — можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать —)
Онъ годенъ, говорятъ для эпиграфа

Да можно имъ порою, украшать
Гробницы или мраморъ Кенотафа
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ.

5 окт.

—

Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ уже уничтоженной.

———

Однако, на этомъ (второмъ возможномъ) выходѣ Пушкинъ очень недолго останавливался и сейчасъ же началъ продолжать поэму — собственно полемическо-журнальную часть ея.

Продолженіе поэмы вызвало исключеніе вступленія, какъ самостоятельнаго отрывка, и Пушкинъ долженъ былъ пожертвовать октавами, въ которыхъ характеризовался александрійскій стихъ, и въ которыхъ онъ отказывался для него отъ пятистопнаго ямба. Едва закончивъ нумерацію 12-ти строфъ отдѣльнаго самостоятельнаго вступленія, Пушкинъ принужденъ былъ пожертвовать послѣдними пятью (VIII—XII), которыя и перечеркнулъ.

Зачеркнута была и злополучная VII октава, вмѣсто нея съ этой цифрой 7) подъ послѣдней октавой вступленія поэтъ записалъ новую октаву:

[дружину рифмъ]
Какъ весело стихи* свои* вести,
Подъ цыфрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
~~Не дозволять имъ въ сторону брести~~
пухъ
Какъ войску въ прахъ разсыпленному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ Героемъ —
о
А стихотворецъ [самъ] съ кѣмъ равенъ онъ
Онъ Тамерланъ или Наполеонъ.

Повидимому, тогда же (едва ли не въ тотъ же день — какъ можно судить по почерку и по черниламъ — во всякомъ случаѣ, въ одинъ пріемъ) были написаны слѣдующія двѣ строфы перехода къ современной журналистикѣ:

VIII.

Немного отдохнемъ
[И такъ]
[Теперь] [остановлюсь] на этой точкѣ...
Что? перестать? или пустить на пѣ?
Признаться вамъ я, въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ —
Стихъ безъ того то въ ямѣ то на кочкѣ

* Зачеркнуто и возстановлено.

И хоть [въ нерзб.] [въ горницѣ] [я здѣсь] теперь
я
[И] [хоть] лежу [1] теперь * [лежу] [на] канапѣ
[Вс] Все* [Но] кажется мнѣ будто на телегѣ
[Но чувствую], [на]
По мерзлой пашнѣ [По мостовой] [несусь] я въ
тряскомъ бѣгѣ.
мчусь [Что я усталъ какъ будто отъ телеги].

—

IX.

Что за бѣда? — не все-жъ гулять пѣшкомъ
По невскому Граниту — иль на балѣ
Лощить паркетъ
[Скользить да шаркать] — или [2] скакать верхомъ
Киргизской [Чтожъ] поплетусь-ка
Въ степи [Козацкой]; [но [3]] [поѣдемъ] далѣ
Со станціи на станцію
[Съ октавы на октаву], [все] шажкомъ [4]
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ

1 Исправлено изъ „лежа" (первоначально: лежу).

2 Исправлено изъ „иль" (Скользить да шаркать — иль скакать верхомъ).

3 Разобрано предположительно.

4 Исправлено изъ шажкомъ.

изъ
Который [отъ] Москвы къ Невѣ-рѣкѣ
Пріѣхалъ, не кормя, на рысакѣ —

Въ связи съ тѣмъ, что VIII—XII октавы вступленія были исключены поэтомъ, эти октавы получили цифры VIII и IX.

Въ другой пріемъ (другія чернила) была написана (переписана?) вторая часть (полемическая, журнальная) и находящаяся съ нею въ органической связи третья часть „Домика въ Коломнѣ“ — разсказъ-вызовъ современной критикѣ.

Остановимся сперва на характеристикѣ современной журналистики — табора, „толкучаго рынка“, требующаго отъ поэта возвышенныхъ поэмъ, отъ поэта, который отвѣчаетъ иронической, шутливой оцѣнкой современнаго дряхлаго классицизма:

X[1].

Скажу,
[Ужъ] Рысакъ! Парнасской иноходецъ
Его
Не обогналъ [его] бы. Но Пегасъ
Старъ; зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодецъ
Изсохъ. Поросъ кропивою Парнассъ

---

1 Нумерація октавъ принадлежитъ болѣе позднему времени, чѣмъ ихъ написаніе и занесена сбоку.

Въ отставкѣ Ѳебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ Музъ ужъ не прельщаетъ насъ
[писателей]
съ классическихъ вершинокъ [словесниковъ]
И таборъ свой [поющая] [ватага]
мы на толкучій рынокъ
Перенесла [съ горы на дно оврага].

XI [1]

И тамъ копышутся себѣ въ грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой.
съ жабой кто ою
Кто [квакаетъ] съ лягушк[ами] * въ связи
Кто ракомъ пятится, кто вьется змѣйкой. . .
имъ и въ у
Но [полно], Муза, шутк[ой] не грози —
емъ
Не то тебя [жъ] покро[ютъ] тѣлогрѣйкой
Оборванной, и вмѣсто похвалы
имъ
Постав[ятъ] въ уголъ Сѣв. пчелы

XI [1].

2 (Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барской судъ.

---

1 Нумерація октавъ принадлежитъ болѣе позднему времени чѣмъ ихъ написаніе и занесена сбоку.

1 (Иль наглою, безнравственной, мишурной:
(Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной
Другъ на друга словесники идутъ
колятъ
жмутъ* другъ друга [грабятъ] губятъ
рѣжутъ
Другъ друга прутъ*, [другъ съ друга рвутъ одежду]
И хоромъ про свои побѣды трубятъ
[На брата братъ, Невѣжда на Невѣжду] —

XIII[1].

Читатель можешь тамъ
[Тамъ] глядѣть
[Все къ лучшему] — [гляди себѣ]
[Блаженъ кто издали] [глядитъ] на всѣхъ
Но издали не
й[2]
[И ротъ зажавъ] смѣ[ется] то надъ тѣми
То надъ другими: Верхъ земныхъ утѣхъ,!
изъ за угла
[Друзья мои], смѣяться надо всѣми.
Но самъ въ толпу не суйся.... или смѣхъ
Плохой ужъ выдетъ: шутками однѣми

---

1 Нумерація октавъ принадлежитъ болѣе позднему времени, чѣмъ ихъ написаніе и занесена сбоку.

2 Слово не дописано (смѣйся).

Тебя
Какъ шапками, [тебя] и врагъ и другъ
всѣ закидаютъ
[бросаютъ]
Соединясь [1] [закид] вдругъ.

XIV [2].

Тогда давай богъ ноги... Потому-то
Здѣсь име[ни] подписать я не хочу —
Порой я [стихи] [3] [стихи] [рифмой]
ъ
стих[омъ] [Хоть] [4] [порой] повертываю круто
[Всѣмъ] все-жъ видно я имъ
[Но ясно]: не впервой [стихомъ] верчу
А[Но] какъ давно? того и не скажу-то
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь — а какъ наѣду.... [5]
Что-жъ? поклонюсь и приглашу къ обѣду.

XV.

принять
Покамѣсть, можете [считать] меня
За стараго, обстрѣленнаго волка

1 Исправлено изъ „Соединившись".
2 Болѣе поздняя (чѣмъ написаніе октавъ) нумерація.
3 Разобрано предположительно.
4 Исправлено изъ „Хотя".
5 Исправлено (было, повидимому: я наѣду).

Или за молодаго воробья,
За новичка въ которомъ мало толка
мнѣ
У Васъ въ шкапу, быть можетъ, [мной], друзья
Отведена
[Завалена] особенная полка —
быть
А [Быть] можетъ [я[впервой хочу послать
Свою тетрадку [1] въ мокрую печать —

XVI.

меня
[Когда] [никто] замѣтятли подъ легкой
[Ахъ, если бы] [меня] подъ легкой] маской!
[(по крайней мѣрѣ долго) [2]] [о святкахъ]
[Никто] [въ толпѣ] [забавной] [не узналъ]!
Когда бы за меня своей
[Ахъ еслибъ] [критикъ] [строгою] указской
критикъ
[Кого нибудь] другова строго[й] [3] пощелкалъ
Ужъ тотобъ неожиданной развязской
послѣ
Я всѣ журналы [наши] взволновалъ!

---

1 Первоначально было: Свои тетради

2 Скобки (круглыя) Пушкина.

3 Въ рукописи сперва было „критикъ строгой", потомъ „строго критикъ" (знаки вставки Пушкинымъ слова „критикъ").

Но полно, будетъ-ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ. —

XVII.

А вѣроятно, незамѣтятъ насъ
Меня, съ октавами моими купно.
Однакожъ намъ пора. Вѣдь я [въ] разсказъ
Готовилъ
[Пускался] — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: Все ему доступно
тъ себѣ
Онъ обо всемъ болта[етъ. — Ужъ] привыкъ!...
Фригійскій рабъ на рынкѣ взявъ языкъ,

2[1]

Сварилъ его.... [1] [опять! зачѣмъ Езопа
Я вплелъ
Приплелъ съ его вареннымъ языкомъ]?
Г.
Езопъ [1] (У Яра иль у Копа
2 1
Его коптятъ) на столъ его потомъ

---

1 Эта октава оставлена безъ нумераціи, ибо при нумераціи Пушкинъ сперва поставилъ цифру XVII надъ предыдущей октавой, затѣмъ зачеркнулъ ее и слѣдующую и поставилъ снова цифру XVII уже надъ октавой „Усядься, Муза"...

на столъ...
Принесъ Езопъ — (опять &)

вся прочла
знаетъ вся
Въ мои стихи — — Что вѣдаетъ Европа
Нѣт Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ —
На силу-то
нрзб отъ
Ужъ наконецъ (изъ сей Октавы трудной) :
Я выбрался выпутался
Я вырвался
Отдѣлался (рифмачь я безразсудной) [1].

Обѣ эти октавы были вскорѣ (при нумераціи) перечеркнуты и исключены (такимъ образомъ, они не

---

1 Мы точно воспроизвели по рукописи, подчеркивая слова, зачеркнутыя въ рукописи, видъ этой октавы, въ которой Поэтъ дѣйствительно едва не запутался. Такимъ образомъ окончательно (передъ исключеніемъ) она читалась такъ:

Сварилъ его... (У Г. Копа
Коптятъ его) Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... опять зачѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его вареным языкомъ
Въ мои стихи — что вся прочла Европа
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ —
На силу-то рифмачь я безразсудной
Отдѣлался отъ сей октавы трудной.

попали уже въ первую — рукописную — редакцію „Домика въ Коломнѣ“). Тогда же была переработана и XI (центральная въ журнально-полемической части вступленія къ повѣсти) октава, переработка которой занесена на оставшемся свободномъ мѣстѣ перваго листа рукописи (л. 24 об. 2376 тетради):

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи
времъ сугубо
Торгуемся, бранимся — [такъ что любо] —
[гурьбой]
Кто въ одиночку, кто съ другимъ* въ связи
[Кто просто] вретъ*, [кто] [вретъ сугубо] —
Но Муза, никому здѣсь не грози —
Не то тебя прижмутъ довольно грубо —
И вмѣсто лестной, общей похвалы
Поставятъ въ уголъ сѣверной пчелы — —

Какъ видно, Пушкинъ вновь началъ исправлять эту октаву, но не довелъ до конца исправленій и не исправилъ, между прочимъ, и четырехстопнаго стиха.

Обратимся къ нумераціи октавъ („Какъ весело стихи свои вести подъ цыфрами, въ порядкѣ, строй за строемъ“). Оставивъ первыя октавы первой части вступленія [1], Пушкинъ нумеруетъ — но уже по окон-

---

1 I. Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ etc
II. А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной etc

чаніи всей поэмы — вторую часть вступленія, которая пріобрѣла такой видъ:

VIII.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ...
Что? перестать? или пустить на пѣ?
Признаться вамъ я, въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ —
Стихъ безъ того то въ ямѣ то на кочкѣ
И хоть лежу теперь на канапѣ
Все кажется мнѣ будто на телегѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я въ тряскомъ бѣгѣ.

IX.

Что за бѣда? — не все-жъ гулять пѣшкомъ
По невскому Граниту — иль на балѣ
Лощить паркетъ — или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской; поплетусь-ка далѣ
Со станціи на станцію, шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ
Который изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ
Пріѣхалъ, не кормя, на рысакѣ —

III. Не стану ихъ надменно браковать etc
IV. У насъ война. Красавцы молодые! etc
V. Поэты Юга, вымысловъ отцы etc
VI. Ну, женскіе и мужескіе слоги! etc
VII. Какъ весело стихи свои вести etc. (см. выше)

X.

Скажу, Рысакъ! Парнасской иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ; зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодецъ
Изсохъ. Поросъ крапивою Парнассъ
Въ отставкѣ Ѳебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ Музъ ужъ не прельщаетъ насъ
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XI.

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи
Торгуемся, бранимся — [такъ что любо] —
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи
[Кто просто] вретъ, [кто вретъ сугубо] —
Но Муза, никому здѣсь не грози —
Не то тебя прижмутъ довольно грубо —
И вмѣсто лестной, общей похвалы
Поставятъ въ уголъ сѣверной пчелы — —

XII.

Иль наглою, безнравственной, мишурной:
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барской судъ.

Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной
Другъ на друга словесники идутъ
Другъ друга жмутъ другъ друга рѣжутъ губятъ [1]
И хоромъ про свои побѣды трубятъ.

XIII.

Читатель можешь тамъ глядѣть на всѣхъ
Но издали не смѣй(ся) то надъ тѣми
То надъ другими: Верхъ земныхъ утѣхъ,
Изъ за угла смѣяться надо всѣми.
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужъ выдетъ: шутками однѣми
Тебя какъ шапками, и врагъ и другъ
Соединясь всѣ закидаютъ вдругъ.

XIV.

Тогда давай богъ ноги... Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу —
Порой я стихъ повертываю круто
Все-жъ видно, не впервой я имъ верчу
А какъ давно? того и не скажу-то.

---

1 Въ рукописи осталось незачеркнутымъ и болѣе раннее исправленіе—„колятъ", написанна очевидно сразу послѣ того, какъ Пушкинъ зачеркнулъ: „другъ съ друга рвутъ одежду".

На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь — а какъ наѣду....
Что-жъ? поклонюсь и приглашу къ обѣду.

XV.

Покамѣсть, можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка
Или за молодаго воробья,
За новичка въ которомъ мало толка
У Васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка —
А можетъ быть впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать —

XVI.

[Ахъ, если бы меня подъ легкой] маской
[Никто въ толпѣ забавной не узналъ!] [1]
Когда бы за меня своей указской
Другова строго критикъ пощелкалъ
Ужъ то тобъ неожиданной развязской
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ-ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ. —

---

1 Въ виду незаконченности и несогласованности исправленій мы приводимъ первые два стиха въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Прежде, чѣмъ обратиться къ центральной части поэмы — къ повѣсти,— подведемъ цифровые итоги вступленію и запомнимъ ихъ. *Первоначальное* (самостоятельное, отдѣльное) *вступленіе состояло изъ 12 октавъ*, изъ которыхъ послѣднія 5 были уничтожены вовсе, а седьмая замѣтка новой октавой („Какъ весело стихи свои вести") — при сліяніи его съ продолженіемъ вступленія (изъ этого продолженія — 11 написанныхъ октавъ — 2 были исключены при нумераціи).

Такимъ образомъ все *вступленіе въ рукописи состоитъ изъ 16 строфъ* — такова первоначальная, рукописная редакція вступленія къ повѣсти „Домикъ въ Коломнѣ".

Обратимся теперь къ повѣсти „Домикъ въ Коломнѣ" — къ разрѣшенію вопросовъ, поднятыхъ Пушкинымъ въ заключительныхъ октавахъ поэмы, послѣ вдругъ оборвавшагося повѣствованія - анекдота о кухаркѣ - мужчинѣ. Вмѣсто заведеннаго романической поэтикой эпилога, Пушкинъ пишетъ:

Параша закраснѣлась или нѣтъ?
Сказать вамъ не умѣю — но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ —
Ушла не взявъ въ уплату ни полушки

И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу, признаюсь
Невѣдаю и кончить тороплюсь.

И дальше идетъ діалогъ не столько съ воображаемымъ читателемъ, сколько съ воображаемымъ критикомъ — діалогъ, формально-композиціонно связывающій вступленіе съ повѣствованіемъ, органически и безъ того связанныя одно съ другимъ:

Какъ? развѣ все тутъ? шутите! — Ей богу. —
Такъ вотъ куда Октавы насъ вели!
Къ чему жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвальбою шли?
Зачѣмъ такую выбрали дорогу?
Ужель иныхъ предметовъ не нашли,[1]
Да нѣтъ-ли хоть у васъ нравоученья? —
— Нѣтъ... или есть: минуточку терпѣнья.

Отвѣты на эти вопросы даются не только заключительной октавой, но и всей поэмой: къ этимъ отвѣтамъ поэта непреложно привели его октавы.

---

1 Очень выразительны эти стихи въ первоначальной — черновой — редакціи:

Чѣмъ критику умолите вы строгу?
У ней ужасно когти отросли.

Что составляетъ неслучайное содержаніе или — что то же въ данномъ случаѣ — форму случайнаго анекдота, разсказаннаго Пушкинымъ о событіи изъ жизни „отмѣнно тихой“ Коломны, навѣянной быть можетъ личными воспоминаніями (какъ о томъ свидѣтельствуетъ П. А. Плетневъ)? [1]

Въ зачеркнутомъ варіантѣ зачеркнутой октавы вступленія Пушкинъ говоритъ о томъ, что „Стиху Расина время знать прошло“ и въ той же октавѣ говоритъ о „друзьяхъ Натуры“, представителяхъ новой школы, новой реалистической поэтики — „Hugo съ товарищи“.

Распространенная схема-теорія русской литературы обычно противополагаетъ традиціи „простой трезвой прозы“ поэтики Некрасова повышенный, приподнятый тонъ Пушкинской традиціи, поэзіи Пушкинской эпохи: по этой схемѣ Некрасовъ порываетъ связи съ Пушкинской традиціей и бунтарски начинаетъ новую страницу русской поэзіи — трезвой неприкрашенной прозы, пародируя высокій тонъ

1 „Пушкинъ, вышедши изъ Лицея, дѣйствительно жилъ въ Коломнѣ, надъ Корфами, близъ Калинкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ, бывшемъ тогда Клокачева. Описанная гордая графиня была дѣвица Буткевичъ, вышедшая за семидесятилѣтняго старика — графа Стройновскаго; нынѣ она уже за генераломъ Зуровымъ“.

аристократической музы Пушкина и Лермонтова. Эта схема въ общихъ своихъ очертаніяхъ можетъ быть и справедлива, но несправедливо невниманіе или нечуткость къ тому, что новая реалистическая поэтика своими устремленіями, своей тенденціей принадлежитъ именно пушкинской поэтикѣ: на поворотѣ къ 30-мъ годамъ эта тенденція становится весьма замѣтной въ пушкинской поэзіи, явно и сознательно стремящейся къ сниженію поэзіи съ вершинъ идеализма и романтизма. Особенно ясно и сознательно проступаетъ эта тенденція въ поэмахъ-повѣстяхъ Боратынскаго и Пушкина: недаромъ въ 1828 году вышли подъ одной обложкой „Балъ“ и „Графъ Нулинъ“. И дальше оба поэта продолжали свой „ультра-романтическій“ или лучше сказать натуралистическій путь: Боратынскій своей „Наложницей“ съ ея окурками, задами, съ цыганскимъ жаргономъ „издохла“ и прочими аттрибутами обыденности, фанатично и послѣдовательно культивируемыми былымъ „пѣвцомъ Финляндки молодой“ — и менѣе послѣдовательно, менѣе ригорично Пушкинъ со своей проповѣдью-вызовомъ и пародіей старой манеры — пестрымъ соромъ „Домика въ Коломнѣ“. Эта тенденція, не ускользающая отъ пристальнаго, внимательнаго взора изслѣдователя исторіи русской литературы, этотъ боевой реалистиче-

скій кличъ Пушкина въ общемъ оказался преждевременнымъ и потому не былъ понятъ ни современнымъ читающимъ обществомъ, ни современной критикой. Блестящая и поразительная по поэтическому мастерству — настоящій tour de force поэзіи — шутливая поэма-пародія Пушкина провалилась и вызвала одно недоумѣніе и непониманіе: изъ за чего и для чего собственно ломаются копья?

„Hugo съ товарищи“ гулять „пустили безъ цезуры“ александрійскій стихъ, Пушкинъ показалъ въ своей новой поэмѣ настоящія чудеса того, что можно сдѣлать съ пятистопнымъ ямбомъ цезурой и enjambement, какъ дерзкіе enjambements и вольныя цезуры мѣняютъ весь строй стиха и то возвышаютъ его до высокаго лирическаго волненія и языка боговъ, то снижаютъ до „смиренной прозы“, то дѣлаютъ его карикатурнымъ.

Пародируя высокій стиль, пародируя себя, Пушкинъ прибѣгаетъ постоянно къ контрастирующимъ тонамъ и, начавъ лирически-напѣвнымъ тономъ, вдругъ или постепенно срываетъ напѣвъ рѣзкимъ паденіемъ тона и строя стиха, чѣмъ еще рѣзче подчеркиваетъ пародійный характеръ, рѣзко отличающійся отъ комическихъ поэмъ-буффонадъ французской классической поэзіи:

Зимою ставни закрывались рано
Но лѣтомъ до̀ ночи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно.
Паденіе: (Безъ этого ни одного романа
Не обойдется: такъ заведено)
Срывъ: Бывало мать давнымъ давно храпѣла
А дочка на луну еще смотрѣла

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной
Да стражи дальный крикъ, да бой часовъ
И только etc

Какъ не увидѣть въ этомъ отрывкѣ Пушкина, самопародирующаго, пародирующаго свою Татьяну:

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна смотря на луну...
Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ...

Помимо пародіи поэтическаго языка и поэтическихъ образовъ („храпѣла", „мяуканье котовъ по чердакамъ") помимо логическаго слома посредствомъ enjambements („И слушала мяуканье котовъ по чердакамъ"), Пушкинъ прибѣгаетъ и къ другому слому —

разрушенію строфичности одной изъ самыхъ классическихъ строфъ — октавы, законченностью, замыкаемостью которой поэтъ пользуется для свободныхъ и неожиданныхъ переходовъ и отступленій.

Еще рѣзче, пародичнѣе, если такъ можно выразиться, срывъ стиха въ октавѣ:

Межъ ими ктожъ ея былъ сердцу ближе
Или равно для всѣхъ она была
Душою холодна. Увидимъ ниже —
Покамѣсть мирно жизнь она вела
Не думая о балахъ, о Парижѣ
Иль о дворѣ (хоть при дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-фурьера).

Поэтъ говорилъ во вступленіи: „Признаться вамъ я, въ пятистопной строчкѣ Люблю цезуру на второй стопѣ“ и впервые далъ такіе совершеннѣйшіе образцы „смиренной прозы“ — разсказа въ стихахъ съ вольной цезурой (на разныхъ стопахъ и полу-стопахъ) и широко развитымъ enjambement (приводимъ двѣ октавы въ ихъ первоначальной редакціи): [1]

1 Пріемъ enjambement въ „Домикѣ въ Коломнѣ“ не былъ новымъ ни для Пушкина, ни для его поэтической эпохи: болѣе новымъ было только широкое развитіе этого пріема и сознательное употребленіе этого пріема въ цѣляхъ приближенія поэтическаго строя стиха къ разговорному.

Но Горе вдругъ ихъ посѣтило домъ.
Кухарка возвратясь изъ бани жаркой
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лѣчили: въ ночь предъ рожествомъ
Скончалась Фекла. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простилися. Попы пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

Объ ней жалѣли въ домѣ. (Всѣхъ-же болѣ
Котъ Васька). Послѣ вдовушка моя
Подумала что два три дня не болѣ
Жить можно безъ кухарки; что нельзя
Предать трапезу только божьей волѣ —
Старушка кличетъ дочь. Параша! — Я. —
— Гдѣ взять кухарку. Свѣдай у сосѣдки —
Вѣдь нужно; а дешевыя такъ рѣдки. —

Этотъ пріемъ — вольныхъ цезуръ, снижающихъ ритмико-лирическій строй стиховъ и паѳосъ — Пушкинъ широко использовалъ въ 1833 году въ „Мѣдномъ Всадникѣ", въ которомъ контрастируетъ почти прозаическое повѣствованіе объ Евгеніи съ высокимъ паѳосомъ тѣхъ же четырехстопныхъ стиховъ, посвященныхъ Мѣдному Всаднику и звучащихъ совершенно иначе, благодаря четкости ритмическаго рисунка стиха.

„Домикъ въ Коломнѣ“ — шутливая и въ то же время серьезная пародія высокой поэмы. Самая мысль написать реалистическую, простую повѣсть-анекдотъ въ „тройныхъ созвучіяхъ“, въ звучныхъ итальянскихъ октавахъ, является смѣлой и говоритъ о пародіи, отвѣчая на вопросъ: куда октавы насъ вели? Пародично и вступленіе — обращеніе къ Музѣ; классическому приподнятому тону призыванія Музы соотвѣтствуетъ первая строфа самой повѣсти:

Усядься, Муза: ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки — не вертись, рѣзвушка.
Теперь начнемъ. Жила была вдова
(Тому лѣтъ 8) бѣдная старушка etc —

и дальше круто начинается повѣствованіе о будничной жизни въ домикѣ въ Коломнѣ, прерывающееся пестрыми строфами—лирическими отступленіями. Этому мгновенному началу соотвѣтствуетъ и мгновенная концовка-эпилогъ:

У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу, признаюсь
Невѣдаю и кончить тороплюсь —

и самая повѣсть вдругъ пріобрѣтаетъ характеръ эпизода въ большой поэмѣ о поэзіи. И какъ настоящее

вступленіе начинается гораздо раньше — раньше 16-ю октавами, такъ настоящая концовка-кода занимаетъ послѣ окончанія повѣсти еще двѣ строфы.

Пушкинъ въ своей поэмѣ о поэзіи и ея путяхъ не ограничился пародіей и намѣчаніемъ новыхъ, уже осязаемыхъ путей, по которымъ такъ охотно пойдутъ во второй половинѣ вѣка: Поэтъ велъ большую дружину рифмъ для того, чтобы изложить, выразить свое поэтическое credo, воплотить свою постоянную, упорную мысль о независимости поэта въ выборѣ темы-сюжета и его трактовки („Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ") и, въ противовѣсъ длиннымъ „длиннымъ длиннымъ" и нравоучительнымъ романамъ (вспомнимъ „Графа Нулина"), заявить о полной и совершенной независимости поэзіи отъ морали:

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему
Кухарку даромъ нанимать опасно.
Кто-жъ родился мущиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно; [1]

---

1 Любопытно, что въ первоначальной редакціи этотъ стихъ читался: „Рядится въ юбку стыдно и напрасно", и Пушкинъ даже такое нравоученіе исключилъ и замѣнилъ слово „стыдно" — „странно".

Когда-нибудь придется-же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего.

Вернемся къ прерванному нами воспроизведенію рукописи — къ передачѣ процесса работы Пушкина надъ поэмой-повѣстью. Непосредственно послѣ строфы „Сварилъ его (у Г. Копа“, исключенной при нумераціи октавъ (см. ниже), въ рукописи слѣдуетъ:

XVII.[1]

~~Усядься~~, Муза: ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки — Невертись, рѣзвушка.
Теперь начнемъ. Жила была вдова
(Тому лѣтъ 8 [2]) бѣдная старушка,
[одной] черью
Съ одною* до[чкою]. У покрова
их смиренная
Стояла [ветхая ея] лачужка —
[у] [и]
За* самой буткой*. Вижу какъ теперь
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

---

1 Нумерація октавъ относится къ болѣе позднему времени.
2 „8“ исправлено изъ другой цифры (повидимому, 9).

XVIII.

[Еще недавно] [лѣтъ 5]
[Дни три] [тому] туда ходилъ я вмѣстѣ
передъ
Съ однимъ знакомымъ, вечеркомъ [1], [вд][пѣшкомъ]
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ
Бывало тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ —
О той порѣ когда я былъ моложе —
Я думалъ, живы-ли онѣ? и чтоже?

XIX.

Мнѣ стало грустно. На высокой домъ [2]
косо
Глядѣлъ я [мрачно]. Если[бъ] въ эту пору
Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ
То моему [бъ] [3] озлобленному взору
[бъ] [право]
Приятно было пламя. Страннымъ сномъ

---

1 Исправлено изъ „вечеромъ" (сперва: Съ однимъ знакомымъ, вечеромъ, вд‹восмъ›, потомъ: Съ однимъ знакомымъ, вечеромъ, пѣшкомъ).

2 Пушкинъ сперва написалъ ошибочно этотъ стихъ: „Мнѣ стало грустно. На новый домъ", затѣмъ: „и на новый домъ", „На кирпичной домъ" и наконецъ: „На высокой домъ".

3 „бъ" приписано, но потомъ зачеркнуто.

сердце Много
[Порой] бываетъ полно [1]). [Мало-ль] вздору
Приходитъ намъ наумъ когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ [?];

XX.

крѣпко [сердце] словомъ
Тогда блаженъ кто [даромъ] [слова] правитъ
И держитъ мысль на привязи свою
[молча] въ сердце
Кто [2] усыпляетъ или [молча] давитъ
[Душ] Мгновенно прошипѣвшую
[Въ душѣ] [новорожденную] змію —
Но кто болтливъ — того Молва прославитъ
Въ мигъ извергомъ. Я воды Леты пью
2 Мнѣ докторомъ запрещена Унылость —
1 Оставимъ это, сдѣлайте мнѣ милость.

XXI.

сторазъ
[Моя] старушка — (я видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Ре́мбрандта такія лица.)
Носила чепчикъ и очки — Но дочь

---

1 Исправлено (было: „Порой бываемъ полны").
2 „Кто" исправлено изъ „И".

ей сй
[Ея [1]] [ей] была прекрасная дѣвица.
Глаза и брови тёмныя какъ ночь —
[Какъ снѣгъ]
[Сама] бѣла, нѣжна какъ голубица —
Въ вкусъ былъ образованный
[Къ] ней [хаживалъ учитель] — [и] она [2]
Читала
[Прочла всѣ] сочиненія Эмина [2].

XXII.

также
[Она] играть умѣла на Гитарѣ [2]
И пѣла: [стар] *Стонетъ сизый голубокъ*
И *выдуль я* и то что ужъ по старѣ,
на
Все что [у] печкѣ [3] въ зимній вечерокъ
скучной
Иль [сидя] осенью при сомоварѣ
Или весною обходя лѣсокъ
Поетъ уныло [4] русская дѣвица
и ы
Какъ наш[а] Муз[а] грустная пѣвица.

---

1 Исправлено изъ „Ей“.
2 Болѣе позднія исправленія (карандашомъ).
3 Исправлено изъ „печки“.
4 Исправлено изъ „уныла“.

XXIII.

Фигурно
[Относно] иль буквально: всей семьей
Отъ ямщика до перваго [мы] поэта
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
из
Пѣснь руская! [Ну!] гонитъ вонъ [со] свѣта —
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ: [давнишн] печальная примѣта —
нашихъ Музъ и
Но ямщиковъ и [деревенскихъ] дѣвъ
[русской] [жалкой] долго [1]
Мнѣ [нра] [томный] нравиться напѣвъ

XXIV.

Параша — такъ звалась дѣвица наша
Умѣла мыть [2] и гладить шить и плесть
Всѣмъ домомъ правила одна Параша [3]
Поручено ей было щеты весть
При ней [и] гречневая
[Въ ея глазахъ) варилась [щи] [да] каша
кухни
Но [ужъ] трудъ ей помогала
[это]
([Ей] [помогала] [бремя] [жизн] несть

---

1 Разобрано предположительно.

2 Исправлено изъ „шить".

3 Исправлена (карандашомъ) описка: „Наташа".

Стряпуха [славная]
[Кухарка] Фекла, добрая* старуха
* давно
[Но ужъ] лишенная чутья и слуха).

XXV.

бывало
Старушка мать [обычно] подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала
А вечеромъ за маленькимъ столомъ
[ра] Пасьянсъ разкладывала иль гадала
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ
То у окна, то на дворѣ мелькала —
иль не шолъ
И ктобы ни проѣхалъ [предъ окномъ]
Всѣхъ видѣть. (Зоркій полъ!)
[Замѣтить] успѣвала [всѣхъ] [тишкомъ].

XXVI.

Зимою ставни закрывались рано
Но лѣтомъ до ночи разстворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно.
(Безъ этаго ни одного романа

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

Не обойдется: такъ заведено)
Бывало мать давнымъ давно храпѣла
А дочка на луну еще смотрѣла

XXVII.

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной
Да стражи дальный крикъ, да бой часовъ
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно. Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной,

можно
Ей слышать было [ать можно] къ
[Бывало], [слышно ей] ко[гда] оно

толкалось
[тся]
Въ* упругое [стучалось] полотно

XXVIII.

По воскресеньямъ лѣтомъ и зимою
Вдова ходила съ нею къ покрову
И становилася передъ толпою
У крылоса на лѣво — — я живу

хотя вѣрною
Теперь не тамъ; но, [легкою] мечтою

* Зачеркнуто и возстановлено.

летать
Люблю (заснувши [тихо] на яву) [1]
Въ Коломну, къ Покрову; и въ воскресенье
богo-
Тамъ [б] слушать [молча] [2] руское служенье

XXIX.

— я помню —
Туда, [бывало], ѣздила всегда
Графиня (звали какъ, не помню, право [1]).
Она была богата, молода,
[Молилась гордо] Входила въ церковь съ шумомъ,
величаво,
гордо гдѣ
Молилась ([даже тутъ] была горда!) [1]
Бывало, (грѣшенъ!) [1] все гляжу на право;
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй —

XXX.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно

---

1 Скобки Пушкина.

2 Разобрано предположительно.

бывала
И не [казалась] имъ развлечена;
[набожность]
Смиренье* въ ней изображалось нѣжно. [1]
Графиня-же была погружена
волшебствѣ
Въ самой себѣ, въ [нарядахъ] Моды новой
надменной
Въ своей красѣ [печальной] и суровой

XXXI.

Она казалась хладный Идеалъ
въ
Тщеславія. Егобъ вы ней узнали —
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть; долгія печали
Смиренье [Волненья], [сердца] въ вникалъ
[Любовь и] [слезы] — Ихъ то я [искалъ]
[Стенанья], [слезы] жалобъ.
Невольный взоръ они то привлекали — —
Но
это Знать [этаго] Графиня не могла,
И вѣрно въ списокъ жертвъ меня внесла —

---

1 Пушкинъ исправилъ этотъ стихъ — Въ ней набожность изображалась нѣжно — но затѣмъ вернулся къ первому чтенію.

XXXII.

страдала
Она [была нещастна] — хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей, хоть мода ей несла
Свой ѳиміамъ. Она была нещастна — —
Блаженнѣе
[Щастливѣе] стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша
Простая, добрая моя Параша.

XXXIII.

Коса зміей на гребнѣ роговомъ
Изъ за ушей зміею кудри русы
Косыночка крестъ на крестъ иль узломъ
На тонкой шеѣ восковыя бусы — —
Нарядъ простой [также] все-же
[Былъ весь ея нарядъ] но — предъ окномъ
[Всѣ див]
Ея* неслись Гвардейцы черноусы
И дѣвица безъ блондъ и жемчуговъ
ловкихъ [сорванцовъ]
Прельщала взоры [многихъ] знатоковъ* [1]

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

1 Черновикъ этого двустишія, напечатанный В. Брюсовымъ въ

XXXIV.

Ея
Межъ ими ктожъ былъ сердцу [дѣвы] ближе
Или равно для всѣхъ она была
[Мила и]
Душою* холодна. Увидимъ ниже —
Покамѣсть мирно жизнь она вела
Не думая о балахъ, о Парижѣ
Иль о дворѣ (хоть при дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-фурьера). [1]

XXXV.

Но Горе вдругъ ихъ посѣтило домъ.
Кухарка возвратясь изъ бани жаркой
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лѣчили: въ ночь предъ рожествомъ

качествѣ самостоятельнаго наброска, находится въ альбомѣ М. П. Феть-Боткиной, (Пушкинскій Домъ):

И дѣвицы [модныхъ] безъ блондъ и
[она безъ полныхъ] [безъ] жемчуговъ
[Манила взоры]
Прельщали взоры знатоковъ.

1 Скобки Пушкина.

Она Скончалась [Фекла]. Съ бѣдною кухаркою
Вдова [Тотчасъ] [Дьячки] [къ ней въ]
[Онѣ] простилися. [Попы] пришли [домъ]
За нею съ [1]
[За ней] и гробъ [2] на Охту отвезли. въ тотъ-же
день при‹шли›

XXXVI.

Объ ней жалѣли въ домѣ. (Всѣхъ-же болѣ
только
Котъ Васька) [3] [~~Послѣ~~] ~~вдовушка~~ моя
Подумала что два три дня не долѣ [4]
Жить можно безъ кухарки; что нельзя
свою высшей
Предать трапезу [только] [божьей] волѣ —
Старушка кличетъ дочь. Параша! — Я. —
Гдѣ[бъ] взять
[Какъ намъ съ] [бъ намъ]
[ой] — [Гдѣ] [взять] [кухарку] [Про]
Кухар[ку-то]! — свѣдай у сосѣдки —
Не знаетъ-ли? [Гдѣбъ намъ достать]
[Вѣдь нужно]; [а] дешевыя [5] такъ рѣдки —

---

1 Исправлено карандашомъ.

2 Исправлено „гробомъ" и возстановлено „гробъ".

3 Скобки Пушкина.

4 Исправлено изъ „болѣ".

5 Вмѣсто этого слова начато было „хо‹рошія?›".

XXXVII.

[Извольте] Закутавшись
Параша
— [Узнаю], [Маминька — и —] вышла вонъ.
(На улицѣ зима стояла грозно
И снѣгъ скрыпѣлъ и синій небосклонъ
енъ звѣздахъ
Безоблач[ный] въ сіяхъ морозно).

долго
Вдова ждала Парашу [долго] [Ужъ и]
[Сидѣла мать одна]; [невольный] сонъ
Ее клонилъ тихонько — было поздно —
[И вотъ] [1] тихо
Когда* Параша къ ней [опять] во[шла]
вамъ
Сказавъ: [Вотъ] я кухарку привела.

XXXVIII.

слѣдомъ робко выступая
За нею [вслѣдъ съ неловкостью шагая]
кой юбочкой
Корот[енькой] [юбчонкой] [обвертясь], принарядясь
Высокая и очень не дурная

---

1 Исправлено карандашомъ (это исправленіе зачеркнуто перомъ).

* Зачеркнуто и возстановлено.

Явилась дѣвка
[Вошла кухарка]; низко [скр] поклонясь.
[Прижалась]
И* стала* въ уголъ фартукъ разбирая.
возмешь [1]
А что [цѣна]? спросила обратясь
Все — съ
Старуха [къ ней]. Что будетъ вамъ угодно
та смиренно
Сказала [дѣвка] [скромно] и свободно

XXXIX.

ея
(Вдовѣ [весьма] понравился отвѣтъ) [2]
зовешься — Маврой-съ
А какъ [зовутъ]? — [Мавруша] — Ну, Мавруша
Живи у насъ. Ты молода, мой свѣтъ,
Гоняй [3] мущинъ. Покойница [4] Феклуша
Служила мнѣ, въ кухаркахъ, 10 лѣтъ —
долга и
Ни разу чест[ной] [жизни] не наруша.

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

1 Исправлено карандашомъ.

2 Скобки Пушкина.

3 Исправлено изъ „Гони".

4 Исправлено изъ „Покойницу".

Ходи за мной, за дочерью[1] моей
Усердна будь. Прищитывать не смѣй.

XL.

Проходитъ день, другой въ кухаркѣ толку
Довольно мало; то переваритъ,
То пережаритъ; то съ посудой полку
Уронитъ. Вѣчно все пересолитъ. —
[Усядутъ]
[Усадятъ] сядитъ умѣетъ взять
Шить [сядя] не [смыслитъ] [вдѣть въ] иголку
Ее бранятъ — она себѣ молчитъ
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ
бьется а
Параша бьется [съ ней а] [все] не сладитъ

XLI.

По утру въ воскресенье мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ[2] — дома лишь осталась
Мавруша. Видетель[?], у ней всю ночь
Болѣли зубы, чуть жива таскалась —
на
Корицы нужно было [из]толочь

---

1 Въ рукописи описка: дочью.
2 Исправлено изъ „обѣдни“.

Пирожное изпечь она сбиралась —
Ее оставили; но въ церквѣ вдругъ
старую
На [бѣдную] вдову нашелъ изпугъ —

XLII.

Она подумала: въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ
[Давноль] къ пирожному припала страсть?
[Ей ей] Пирожница, ей ей плутовкой
[Кухаркой не] глядитъ — [скорѣй] [воровкой] —
вздумала она
Не [думаетъ] - ль [1] насъ [ужъ] обокрасть
мы
Да улизнуть? вотъ будемъ [2] [я] съ обновкой
Для праздника! ахти, какая страсть —
[вся дрожала]
Такъ думая старушка обмирала*
И на конецъ, невытерпѣвъ, сказала

XLIII.

Стой тутъ Параша — я схожу домой
что-то [та]
Мнѣ страшно. Дочь* [ея] неразумѣла

1 Исправлено изъ „ли".
2 Исправлено изъ „буду".

[Старуха] [Мать] [вышла]
[И промолчала]. Съ па[р]перти долой
Чего ей страшно
Чуть чуть моя старушка не слѣтѣла
Въ ней сердце билось
[обмирая] какъ
[И] задыхаясь*, [будто] передъ [1] бѣдой,
При — [свой домикъ]
[Во]шла въ лачужку* — въ кухню посмотрѣла
Мавруш [и] Вдова
[Кухарки] нѣтъ — [она] къ* себѣ* въ покой
Вошла — и чтожъ? о Боже! страхъ какой!

XXXXIV.

Предъ зеркальцемъ Параши, важно сидя
Кухарка брилась — что съ моей вдовой?
„Ахъ! Ахъ!“ и шлепнулась. Ее увидя
Та, въ торопяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя) [2]
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

---

* Зачеркнуто и возстановлено.

1 Исправлено изъ „передъ“.

2 Скобки Пушкина.

XLV.

Обѣдня кончилась. — Пришла Параша
Что, маминька? — Ахъ Пашенька моя!....
Маврушка [1]... — Что, что съ ней? Кухарка наша...
Охъ, охъ... опомниться не въ силахъ я!.. —
За зеркальцомъ; вся въ мылѣ
[Вообрази] [намылясь].... Воля ваша,
право ничего
Мнѣ [васъ] понять [ни капельки] нельзя,
Да гдѣ-жъ Мавруша? — Ахъ, она Разбойникъ —
точно
Она здѣсь брилась!.. [будто] мой покойникъ!

XLV.

за
Параша [по]краснѣлась [2] или нѣтъ?
вамъ
[Того] сказать [я] не умѣю — но Маврушки
— простылъ
Съ тѣхъ поръ какъ небыло — [пропалъ] и слѣдъ —
Ушла не взявъ въ уплату ни полушки
не успѣвъ ать важныхъ
И ненадѣл[авъ] [слишкомъ много] бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки

---

1 Исправлено изъ „Мавруша".
2 „сь" приписано (было: „покраснѣла").

Кто заступилъ Маврушу, признаюсь
Невѣдаю и кончить тороплюсь.

XLVII.

Какъ? развѣ все тутъ? шутите! — Ей богу. —
Такъ вотъ куда Октавы [1] насъ вели!
Къ чемужъ [2] такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвальбою шли?
Зачѣмъ такую выбрали дорогу
[Чѣмъ критику умолите вы строгу]?
желъ иныхъ [3] предметовъ — не нашли
У[ней ужасно когти отросли].
Да нѣтъ-ли хоть у васъ нравоученья? —
есть:
— Нѣтъ... или [нѣтъ] минуточку терпѣнья.

XLVIII.

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему
ку
Кухар[окъ] даромъ нанимать опасно.
Кто-жъ родился мущиною, тому
странно
Рядится въ юбку [4] [стыдно] и напрасно;

1 Начато было: „Отс"
2 Начато было: „т"
3 Исправлено изъ „иной".
4 Исправлено изъ „юпку".

Когда-нибудь придется-же ему
[себѣ]
Брить [1] бороду, что [вовсе] несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего.

Болдино 1830
9 окт. 5$\frac{3}{4}$ ч. в.

Обратимся вновь къ ариѳметикѣ, не такой ужъ прозаической и краснорѣчиво говорящей о творческой работѣ Поэта. Только дописавъ послѣднюю октаву (9 октября), Пушкинъ сталъ нумеровать всю поэму-повѣсть, при чемъ зачеркнулъ двѣ октавы („А вѣроятно, не замѣтятъ насъ" и „Сварилъ его... (У Г. Копа"). Эта нумерація даетъ возможность говорить пока о двухъ слояхъ работы надъ „Домикомъ въ Коломнѣ": 1) объ отдѣльномъ самостоятельномъ вступленіи [2] и 2) обо всей поэмѣ въ цѣломъ

1 Вмѣсто „Брить" Пушкинъ началъ сперва писать другое слово.

2 Наши слова объ отдѣльномъ вступленіи слѣдуетъ понимать только въ томъ смыслѣ, что былъ моментъ, когда Пушкинъ предполагалъ выдѣлить вступленіе, но отказался отъ своего намѣренія въ самомъ процессѣ творческой работы и едва ли не тотчасъ же. Мало вѣроятно, но возможно предположеніе, что самая повѣсть „Домикъ въ Коломнѣ" была написана уже въ 1829 году,

(вмѣстѣ съ сокращеннымъ вступленіемъ). Всего для „Домика въ Коломнѣ“ было написано 56 октавъ, но онѣ не входили ни въ одинъ моментъ въ цѣлую поэму и распредѣлялись такимъ образомъ: для вступленія было написано 12 октавъ, при сліяніи вступленія съ продолженіемъ „Домика въ Коломнѣ“ Пушкинъ сохранилъ 6 октавъ первоначальнаго вступленія и вновь написалъ еще 44 октавы, изъ которыхъ двѣ октавы зачеркнулъ и не включилъ въ первую рукописную редакцію „Домика въ Коломнѣ“. Такимъ образомъ хотя собственно для „Домика въ Коломнѣ“ и было написано 50 октавъ (44+6), первоначальная редакція поэмы состояла maximum изъ 48 октавъ (44+6—2) или 383 стиховъ: послѣдняя октава не имѣла цифры выше 48-й [1].

Трудно сказать когда именно, но въ промежутокъ между 1830 и 1832 гг. поэтъ началъ еще сокращать поэму и вновь зачеркнулъ двѣ октавы вступленія — IV и V; мы говоримъ началъ, ибо поэтъ не измѣнилъ нумераціи поэмы, сократившейся на 2 октавы (48—2=46),

---

въ 1830 же году, къ которому относятся октавы вступленія, была только переписана (черновиковъ повѣсти не сохранилось).

1 Мы потому подробнѣе остановились на вопросахъ поэтической ариѳметики, что въ распространенной нынѣ печатной редакціи „Домикъ въ Коломнѣ“ состоитъ изъ совершенно произвольнаго, фантастичнаго и ничѣмъ не объяснимаго числа — 54 октавъ!

и прервалъ работу. На этомъ и заканчиваются наши свѣдѣнія о творческой работѣ Пушкина, поскольку они даются рукописью поэта.

Въ 1833 году, наконецъ, Пушкинъ напечаталъ „Домикъ въ Коломнѣ" (въ „Новосельѣ"), и напечаталъ, исключивъ еще 6 октавъ изъ поэмы; такимъ образомъ въ своемъ окончательномъ и завершенномъ видѣ „Домикъ въ Коломнѣ" сталъ состоять изъ 40 октавъ (46—6=40).

Исключеніе шести боевыхъ октавъ вступленія, его журнально-полемической части (октавы XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI), объясняемое быть можетъ также и художественно - композиціонными соображеніями — въ цѣляхъ установленія равновѣсія частей единаго художественнаго произведенія, было вызвано необходимостью, тѣмъ обстоятельствомъ, что, „Домикъ въ Коломнѣ" былъ напечатанъ въ 1833 году, а не въ 1830: XI—XVI октавы, характеризующія жизнь и войну русской журналистики 1830 года, въ значительной степени устарѣли и стали неумѣстными въ 1833 году, когда появился „Домикъ въ Коломнѣ".

Не будемъ подымать празднаго для историка литературы вопроса о томъ, выиграло или проиграло художественное произведеніе Пушкина, когда изъ него было устранено все временное и случайное и когда былъ ослабленъ его полемическій тонъ.

Мы отмѣчаемъ фактъ и стремимся не къ собственному освѣщенію его, а къ передачѣ его въ томъ освѣщеніи, въ какомъ онъ представлялся Пушкину.

Кромѣ исключенія шести (а вмѣстѣ съ перечеркнутыми въ рукописи двумя — IV и V — восьми) октавъ, Пушкинъ внесъ слѣдующія, въ общемъ незначительныя измѣненія въ оставшіяся октавы (приводимъ разночтенія по нумераціи Пушкинской печатной редакціи, напечатанной выше въ основномъ текстѣ):

II.

4: Гнушаемся мы. *Почему*? спрошу?
5: Такъ писывалъ*** *богомольной,*
6: *По большей части* такъ и я пишу [1].

III.

2: Какъ рекрутовъ, *добившихся* увѣчья, [2]
3: Иль *какъ коней, за ихъ плохую* стать, [3]

V.

4: Какъ войску, въ пухъ *разсыпанному* боемъ!
7: А стихотворецъ... *съ кѣмъ же* равенъ онъ?
8: Онъ Тамерланъ *иль самъ* Наполеонъ.

---

1 Возвращеніе къ первоначальному чтенію.

2 Одинъ изъ зачеркнутыхъ варіантовъ исправленія.

3 Чтеніе, близкое къ первоначальной редакціи.

VI.

5: *Иначе стихъ* то въ ямѣ, то на кочкѣ
7-8: Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ

VII.

7-8: Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

X.

1: Дня три тому туда ходилъ я вмѣстѣ

XI.

4: То моему *бъ* озлобленному взору

XII.

7-8: Мнѣ Докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

1: Старушка (я *стократъ* видалъ точь въ точь
6: *Сама* бѣла, нѣжна — какъ голубица

XIV.

4: Все, что у *печки* въ зимній вечерокъ
7: Поетъ *уныла* Русская дѣвица,
8: Какъ *Музы нашей* грустная пѣвица.

XV.

4: Пѣснь русская. *Извѣстная примѣта!*
6-8: Сведемъ какъ разъ. *Печалію согрѣта*
Гармонія и нашихъ Музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI.

1: Параша (такъ звалась *красотка* наша)
6: (*Сей важный трудъ ей* помогала несть

XVII.

4: *Раскладывала карты* и гадала.

XXII.

4: И не казалась имъ развлечена.

XXIII.

5: Смиренье жалобъ. . . Въ *нихъ*-то я вникалъ,

XXV.

5-8: Нарядъ простой: но предъ *ея* окномъ
Всежъ ѣздили Гвардейцы черноусы.
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

1: Межъ *ними* кто ея былъ сердцу ближе,
6: *Ни* о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила

XXVII.

2: *Стряпуха*, возвратясь изъ бани жаркой,
7: *Онѣ* простились. Въ тотъ же день пришли

XXVIII.

2: Котъ-Васька. Послѣ вдовушка моя [1]
5: Предать свою трапезу Божьей волѣ.

XXIX.

1: Узнаю, маменька. — И вышла вонъ, [1]
2: *Закутавшись* (зима стояла грозно,
8: Сказавъ: — „Вотъ я кухарку привела. [1]

XXX.

3: Высокая, *собою* недурная,
4: *Шла дѣвушка, и* низко поклонясь,
5: *Прижалась* въ уголъ, фартукъ разбирая. [2]
7: Старуха. — Все, что будетъ вамь угодно,

---

1 Возвращеніе къ первоначальному чтенію.
2 Зачеркнутый варіантъ исправленія.

XXXI.

2: — „А какъ *зовутъ*? — *А Маврой* — „Ну,
Мавруша,

XXXII.

8: Параша бьется: *а никакъ* не сладитъ

XXXVI.

1: Предъ зеркальцомъ Параши, *чинно* сидя,

XXXVI.

4: *Опомниться досель* не въ силахъ я. . .

XXXIX.

5: *Завидную жъ вы избрали* дорогу!

Безъ измѣненій поэма была перепечатана Пушкинымъ во второй части изданія 1835 года, [1] и въ такомъ же видѣ она вошла во второй томъ посмертнаго

1 Въ виду того, что изданіе 1835 года перепечатываетъ текстъ „Новоселья“, мы сочли необходимымъ исправить мелкія опечатки изданія 1835 года по тексту альманаха; кромѣ того, нами введена орфографія „Рембрандта“ и „разсказъ“ по рукописи (въ печати: „Ремфранда“, расказъ).

изданія 1838 года и въ третій томъ изданія 1855 года подъ редакціей П. В. Анненкова (въ обоихъ изданіяхъ съ опечаткой въ первомъ стихѣ десятой октавы: „Дня три тому, *тогда* ходилъ я вмѣстѣ") [1].

П. В. Анненковъ оставилъ основной текстъ „Домика въ Коломнѣ" въ третьемъ томѣ неприкосновеннымъ, несмотря на то, что еще въ первомъ томѣ („Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина", стр. 294) онъ говорилъ, что „Домикъ въ Коломнѣ" — „напечатанъ въ альманахѣ: „Новоселье" (1833), съ выпускомъ 13-ти октавъ. Надъ этими выброшенными строфами, Пушкинъ надписалъ въ рукописи: „Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной". Изъ этихъ словъ можно заключить, что онъ хотѣлъ подѣлиться ими съ публикой, но обязанность эта уже выпала на нашу долю. Въ нихъ Пушкинъ представляется намъ съ новой стороны. Не заботясь о достиженіи художнической цѣли, онъ отдается вполнѣ теченію мыслей и перу своему, но какая тонина и беззлобивость шутки, какой превосходный, нравственный профиль прикрыты этой сѣтью октавъ, едва набросанныхъ и какъ они свѣтятся въ этомъ стихѣ на распашку!"

ВъПриложеніи VII къ „Матеріаламъ" П. В. Аннен-

1 Эта опечатка была исправлена послѣдующими издателями.

ковъ и даетъ выпущенныя „13“ (?) октавъ въ такомъ неточномъ видѣ:

Дополнительныя октавы къ повѣсти: Домикъ въ Коломнѣ.

(*Къ III Октавѣ*).

Modo vir, modo foemina

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны . . . . [1]
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой. [2]

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рифму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.

---

1 Въ рукописи: Вы, хрипуны (но хрипъ вашъ приумолкъ).

2 Въ рукописи: „Ш—полкъ могу сравнить съ октавой“, но, конечно, запись „Ш“ — нужно понимать, какъ сокращенную — „Ширванскій“.

Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ,
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ! [1]

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой....
Съ Гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?...
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій [2]
И съ жаломъ даже — точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
Но пудренной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой. [3]
Ученіе не въ прокъ ему пошло:

---

1 П. В. Анненковъ не оговорилъ, что послѣ этой октавы въ рукописи слѣдуютъ еще двѣ, вошедшія въ печатную редакцію. Къ какимъ грустнымъ послѣдствіямъ привело это умолчаніе Анненкова — увидимъ ниже.

2 Въ рукописи: Извивистый, проворный, длинный, склизкой.

3 Въ рукописи: Разстрепленъ онъ свободною цензорой.

Hugo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры [1].

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты Делиль — Парнасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ — вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

---

1 П. В. Анненковъ не разобрался въ строеніи слѣдующей октавы („Какъ Мазорье“) и потому просто пропустилъ ее (точно также поступилъ онъ и съ октавой: „Октавы трудны, взявъ уловку лисью“).

(*Къ октавѣ VIII*)[1]

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо. . . .
Но Муза никому здѣсь не грози —
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ Сѣверной Пчелы![2]

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной;
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ, другъ друга губятъ,[3]
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ

---

1 П. В. Анненковъ не оговорилъ, что надпись „сіи октавы etc“ не имѣетъ никакого отношенія къ этимъ октавамъ.

2 П. В. Анненковъ возстановилъ первоначальное чтеніе второй редакціи этой октавы.

3 См. транскрипцію этого стиха выше.

И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,[1]
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся.... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.
Порой я стихъ повертываю круто,
Все жъ видно — не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь — а какъ наѣду....
Чтожъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покамѣстъ можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Иль за молодаго воробья,[2]
За новичка, въ которомъ мало толка.

---

1 П. В. Анненковъ непослѣдовательно возстановилъ первоначальное чтеніе, между тѣмъ какъ рукопись даетъ и окончательное:

Читатель можешь тамъ глядѣть на всѣхъ
Но издали не смѣй ⟨ся⟩ то надъ тѣми

2 Въ рукописи: Или за молодаго воробья.

У вась въ шкапу, быть можетъ, мнѣ друзья
Отведена особенная полка,
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ! [1]
Когда бы за меня своей указкой,
Другаго строгій критикъ пощелкалъ! [2]
Ужъ тото-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ,
Меня съ октавами моими купно.
Однакожъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ; — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

---

1 П. В. Анненковъ возстановилъ первоначальное чтеніе (исправленія не доведены до конца).

2 Въ рукописи: Другова строго критикъ пощелкалъ.

Сварилъ его (у Г-на Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ. . . Опять, за чѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его вареным языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
На силу-то, рифмачъ я безразсудной,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной! — [1]
Усядься муза. . . .

П. В. Анненковъ допустилъ нѣсколько ошибокъ, — въ еще болѣе крупныя ошибки ввелъ онъ послѣдующихъ изслѣдователей. Отмѣтимъ прежде ошибки и недомолвки Анненкова.

Анненковъ, говоря о выпущенныхъ 13-ти октавахъ и печатая 14 октавъ, ошибается, ибо Пушкинъ выпустилъ не 13 и не 14, а 16 октавъ (увидимъ, какъ эта ошибка отразится на судьбѣ текста „Домика въ Коломнѣ“). Ошибается Анненковъ и въ утвержденіи, что „надъ этими выброшенными строфами, Пушкинъ *надписалъ* въ рукописи: „Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной“. Запись Пушкина можно относить только

---

1 Объ этихъ двухъ октавахъ см. выше.

къ той редакціи *первой* части вступленія (а не выхваченныхъ изъ разныхъ мѣстъ рукописи октавъ), которую Пушкинъ *въ цѣломъ* уничтожилъ. Заключая изъ помѣты Пушкина, „что онъ хотѣлъ подѣлиться ими съ публикой“, Анненковъ не договариваетъ того, когда Пушкинъ „хотѣлъ подѣлиться ими съ публикой“: за него договорили послѣдующіе издатели — П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ — и какъ наивно договорили! Высказывая свое субъективное мнѣніе о томъ, что Пушкинъ будто бы въ выпущенныхъ октавахъ „не заботился о достиженіи художнической цѣли“, Анненковъ умалчиваетъ о томъ, что поэтъ не былъ ими „художнически“ удовлетворенъ и что большую часть этихъ октавъ онъ въ рукописи перечеркнулъ. Еще бо̀льшую ошибку дѣлаетъ Анненковъ при печатаніи выпущенныхъ 14 октавъ, не обозначая порядка ихъ и чередованія съ октавами, введенными въ печатный текстъ самимъ Пушкинымъ.

Ложный путь П. В. Анненкова былъ пройденъ до конца послѣдующими редакторами сочиненій Пушкина. Впервые П А. Ефремовъ внесъ напечатанныя въ особомъ приложеніи къ „Матеріаламъ“ Анненкова 14 выпущенныхъ строфъ въ основной текстъ второго тома сочиненій Пушкина изданія 1880 года (Я. И. Исакова) со слѣдующимъ примѣчаніемъ — обоснованіемъ изуродованія текста:

„Домикъ въ Коломнѣ“ [стр. 308] — въ „Новосельи“ на 1833 годъ, гдѣ означенъ 1829 годъ, и г. Анненковъ говоритъ, что въ рукописи окончаніе помѣчено „9-мъ октября 1830 г.“, въ Болдинѣ. Онъ же говоритъ, что „Домикъ“ писался ввидѣ развлеченія, веселаго разговора съ самимъ собою, и потому *нѣсколько* строфъ его, весьма игривыхъ и остроумныхъ, *не попали въ печать* [т. 3, стр. 547]. Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо указываетъ, что выпущенными октавами Пушкинъ повидимому дорожилъ болѣе, чѣмъ самой поэмою, и хотѣлъ ихъ напечатать [вѣроятно въ своемъ „Современникѣ“], такъ какъ г. Анненковъ нашелъ ихъ въ рукописяхъ поэта, особо переписанными, и съ его надписью: „Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ уже уничтоженной“. Послѣдній оборотъ рѣчи былъ необходимъ, ввиду исключенія октавъ или цензурою, или *посторонней* волею. Все это заставило насъ внести 14 опущенныхъ октавъ въ самый текстъ поэмы [октавы IV—IX и XV—XXII]. Въ началѣ IV октавы пропускъ сдѣланъ г. Анненковымъ, а опечатка въ 6-мъ стихѣ допущена нами. Просимъ поправить: А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ... Въ 1-й октавѣ во всѣхъ изданіяхъ недостаетъ 6-го стиха [1]; мы его означили точками,

1 Недостаетъ этого стиха и въ рукописи Пушкина (см. выше) — М. Г.

чтобы обратить вниманіе тѣхъ, кому попадетъ подлинная рукопись".

П. А. Ефремовъ договорилъ за П. В. Анненкова, когда Пушкинъ „хотѣлъ напечатать" выпущенныя строфы. Оказывается, шуточную поэму, *дважды напечатанную*, уничтожила цензура или посторонняя воля, и Пушкинъ, *послѣ двукратнаго напечатанія ея* — въ „Новосельѣ" и въ изданіи 1835 года, предполагая напечатать отдѣльныя октавы (какія же? приведенныя Анненковымъ 14? почему именно эти 14?) въ „Современникѣ", — говорилъ о напечатанной поэмѣ, какъ объ уничтоженной. И вотъ на этихъ основаніяхъ („Все это заставило насъ внести... etc) Ефремовъ послѣ III октавы пушкинской печатной редакціи вводитъ IV, V, VI, VII, VIII и IX — октавы, напечатанныя Анненковымъ въ качествѣ дополненія „къ октавѣ III" и послѣ VIII (ставшей такимъ образомъ XIV) — XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI и XXII — октавы, напечатанныя Анненковымъ въ качествѣ дополненія „Къ Октавѣ VIII".

П. А. Ефремовъ пошелъ по пути, подсказанному ему П. В. Анненковымъ, и пришелъ къ тремъ крупнѣйшимъ и грубѣйшимъ ошибкамъ, узаконеннымъ и освященнымъ всѣми послѣдующими изданіями: 1) онъ вторгся со своимъ произволомъ въ художественную волю Пушкина и исказилъ его печатный

текстъ, при чемъ заставилъ поэта, предполагавшаго въ отдѣльномъ вступленіи отказаться отъ пятистопнаго ямба въ пользу александрійскаго стиха, въ поэмѣ отказаться отъ пятистопнаго ямба, воскликнуть объ александрійскомъ стихѣ — „беру его себѣ" и дальше продолжать пятистопнымъ ямбомъ, 2) произвольно перепутать строфы вступленія и напечатать ихъ въ такомъ порядкѣ, какого они не имѣли *ни въ одинъ моментъ* созданія „Домика въ Коломнѣ" и работы Пушкина надъ этой „шуточной поэмой" и 3) неточно и неисправно воспроизвести въ основномъ текстѣ чтеніе выпущенныхъ октавъ, въ смѣшанной редакціи, образованной то изъ первоначального до исправленія, то изъ окончательнаго, отдѣланнаго чтенія рукописи. Кромѣ того, Ефремовъ, еще до обращенія къ рукописи, „исправилъ" Анненкова, сочинивъ за Пушкина два стиха — въ XV и XVI октавахъ (нумерація Ефремова):

Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...

и

Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,

Нужно ли говорить о томъ, что эти Ефремовскіе стихи свято сохраняются до сихъ поръ въ текстѣ поэмы Пушкина, какъ сохраняется и произвольная его расшифровка*** во второй октавѣ:

Такъ писывалъ Шихматовъ богомольной,

Уже Ефремовъ обращался къ подлинной рукописи Пушкина (тетрадь 2376А Румянц. Музея) и по ней дополнилъ пропущенную Анненковымъ половину второго стиха IV (?) строфы, — П. О. Морозовъ наконецъ обратился къ изученiю рукописи. Каковы были результаты этого изученiя (кстати сказать, очень несложнаго, ибо рукопись имѣетъ весьма чистовой видъ и не представляетъ никакихъ трудностей для изслѣдователя)? — Вотъ что говоритъ П. О. Морозовъ въ предисловiи къ поэмѣ, напечатанной въ 3 томѣ сочиненiй Пушкина изданiя „Просвѣщенiя":

„Повѣсть" эта напечатана въ *Новосельѣ* Смирдина на 1833 годъ и затѣмъ вошла во 2-ю часть „Поэмъ и повѣстей" изд. 1835 г. Написана она была въ памятную осень 1830 г., когда поэтъ, задержанный карантинами (по случаю холеры) въ своемъ нижегородскомъ имѣнiи Болдинѣ, почувствовалъ особенный приливъ вдохновенiя и творчества. Нѣсколько строфъ (IV—IX и XX—XXII [1]) въ свое время не попали въ печать; но Пушкинъ, видимо, ими дорожилъ и не терялъ надежды напечатать: онѣ нашлись въ

1 Ошибка или опечатка? — въ свое время не попали въ печать октавы IV—IX и XV—XXII Ефремовско-Морозовской нумерацiи.

его бумагахъ особо переписанными и съ надписью: „Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной“. Теперь онѣ внесены на свое мѣсто. Кромѣ того, изъ подлинной рукописи Моск. Муз. № 2376А, добавлены въ примѣчаніяхъ, двѣ зачеркнутыя строфы [1] и нѣсколько варіантовъ, еще не бывшихъ въ печати“.

---

1 Эти октавы напечатаны П. О. Морозовымъ въ такомъ неисправномъ видѣ (предлагаемъ провѣрить текстъ Морозова по приведенной выше транскрипціи):

Октавы трудны! Взявъ уловку лисью,
Сказать я бъ могъ, что киселъ виноградъ;
Мнѣ, видно, съ ними надъ парнасской высью
Вѣкъ не бывать! Не лучше ли назадъ
Скорѣй вести свою дружину рысью?
Ужь риѳмами кой-какъ онѣ бренчатъ. . .
Кой-какъ ужь до конца октаву эту
Я дотянулъ. Стыдъ русскому поэту.

Какъ рѣзвая покойница Жако,
Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
Ломается проворно и легко,
На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ.
Они ворчатъ: „Уймется ль негодяй?
„Какой повѣса! Экой разгильдяй!“.

Понятно, почему эти октавы попали въ примѣчанія, а не въ основной текстъ: ихъ нѣтъ у Анненкова, а для Морозова, какъ

Если бы П. О. Морозовъ не привелъ „нѣсколько“ случайныхъ варіантовъ (*шести* — изъ того множества разночтеній, которое приведено нами выше [1]) и двухъ „зачеркнутыхъ строфъ“, трудно было бы повѣрить не только тому, что онъ „изучалъ“, но даже видѣлъ рукопись: выпущенныя 14 октавъ не „особо переписаны“, а находятся въ разныхъ мѣстахъ рукописи, и П. О. Морозовъ внесъ ихъ не „на свое мѣсто“, а сохранилъ ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое ошибочно было подсказано Ефремову Анненковымъ. Еще болѣе странно говорить для изслѣдователя, видѣвшаго подлинную рукопись, что двѣ строфы, приведенныя имъ въ примѣчаніяхъ, въ рукописи зачеркнуты, и тѣмъ самымъ какъ будто утверждать, что только эти строфы и зачеркнуты.

На этомъ можно и закончить исторію текста „Домика въ Коломнѣ“, ибо послѣднее полное собраніе сочиненій Пушкина (подъ редакціей С. А. Венгерова) не прибавило новыхъ и сохранило старыя ошибки.

и для другихъ изслѣдователей, источникомъ канона и авторитетомъ является не Пушкинъ, а Анненковъ.

1 Вотъ эти случайные варіанты: 1 и 2) ко II октавѣ:... Отчего? спрошу, и Такъ пишетъ***, такъ и я пишу. 3 и 4) къ III октавѣ:... дождавшихся увѣчья и Какъ лошадей за шерсть ихъ или стать, 5) къ IV октавѣ — У насъ война! Гвардейцы затяжные и 6) къ V октавѣ:.. мы риѳмы заморили..

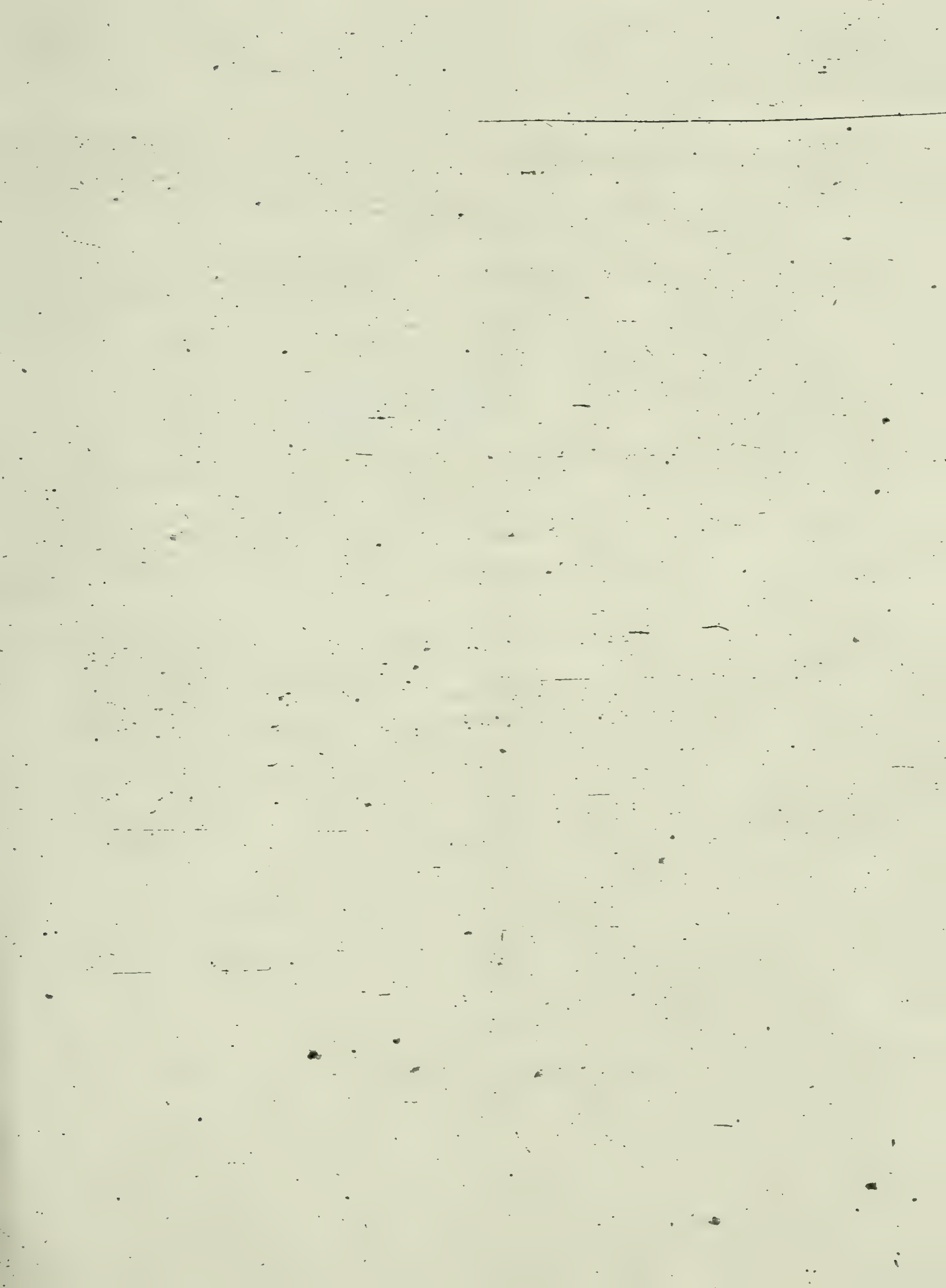
Пробѣгая исторію печатнаго текста „Домика въ Коломнѣ", невольно вспоминаешь стихотвореніе Пушкина 1819 года „Возрожденіе":

Художникъ - варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Хочется думать, что настало время, когда „краски чуждыя" начнутъ спадать съ произведеній Пушкина и „созданье генія" выйдетъ „съ прежней красотой".

М. Л. Гофманъ.

Книги М. Л. Гофмана.

Гимны и оды. СПБ. 1910.

Конспектъ по исторіи русской литературы XVIII вѣка. СПБ. 1913.

Пушкинъ. Его общественно-политическіе взгляды и настроенія, Ч. 1917.

Первая глава науки о Пушкинѣ. 1 и 2 изд. Пгрдъ 1922.

Пропущенныя строфы „Евгенія Онѣгина“. П. 1922.

Посмертныя стихотворенія Пушкина 1833-1836 гг. Пгрдъ 1922.

„Клеопатра“ и „Египетскія ночи“ (печатается).

Пушкинъ. Сборникъ статей (готовится къ печати).

Противъ формальнаго метода въ защиту его (тоже).

Подъ редакціей М. Л. Гофмана.

Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. СПБ. 1908.

Сочиненія Е. А. Боратынскаго. т. I. СПБ. 1914. т. II. СПБ. 1915.

Дневникъ А. Н. Вульфа. СПБ. 1915.

Стихотворенія Алекс. Пушкина. Черн. 1919.

Неизданныя стихотворенія Дельвига. Пгрдъ 1922.

„Каменный Гость“ Пушкина (печатается).

Лицейскія стихотворенія Пушкина (печатается).

Стихотворенія К. Н. Батюшкова (печатается).

Издательство „АТЕНЕЙ“.

Петроградъ, Бассейная ул. 39.

А. Ф. Кони „Петербургъ“ — Воспоминанія старожила (распродано).

М. Л. Гофманъ „Пушкинъ“ — Первая глава науки о Пушкинѣ (распродано).

Тоже. Второе дополненное изданіе.

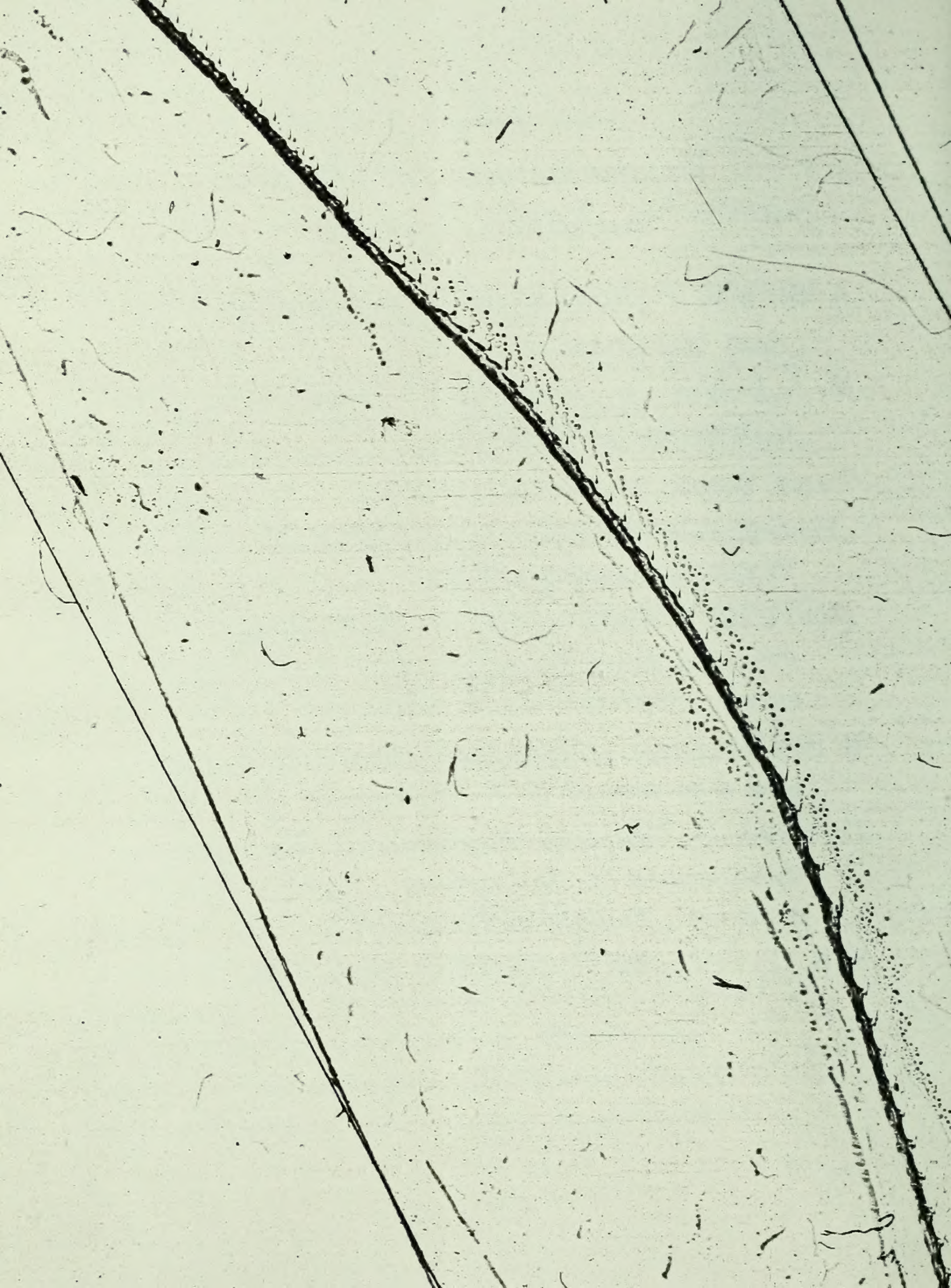
„Неизданный Пушкинъ“. Собраніе А. Ф. Онѣгина. Труды Пушкинскаго Дома.

„Чеховъ. Новыя письма“. Изъ собраній Пушкинскаго Дома. Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго.

В. Л. Пушкинъ. „Опасный Сосѣдъ“. Подъ редакціей и со статьей В. И. Чернышева.

Пушкинъ.— „Домикъ въ Коломнѣ“. Съ приложеніемъ статьи М. Л. Гофмана „Исторія созданія и текста „Домика въ Коломнѣ“.

Н.К. Пиксановъ. „Пушкинская студія“ (печатается).

D02706286V
Duke University Libraries